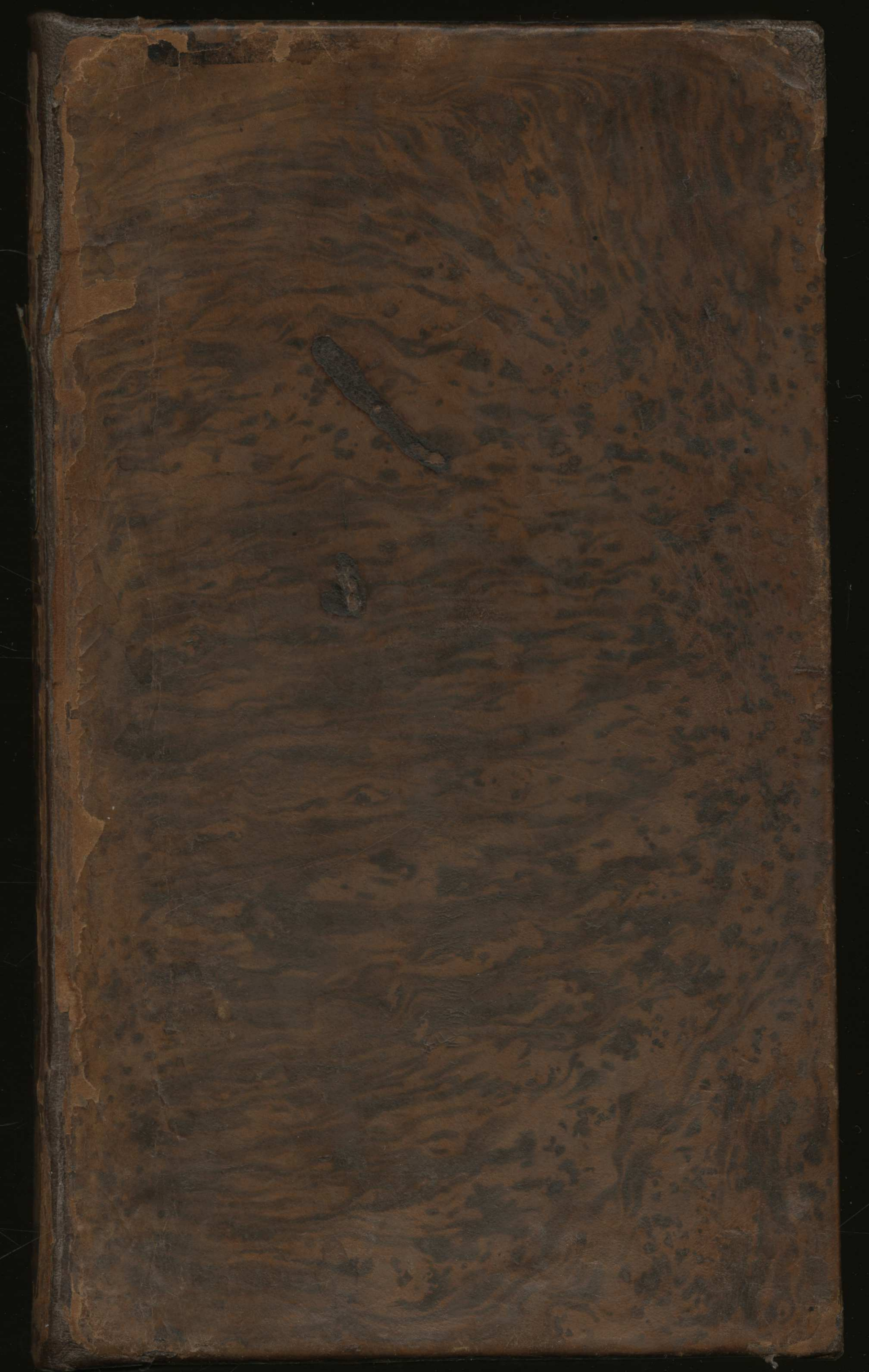
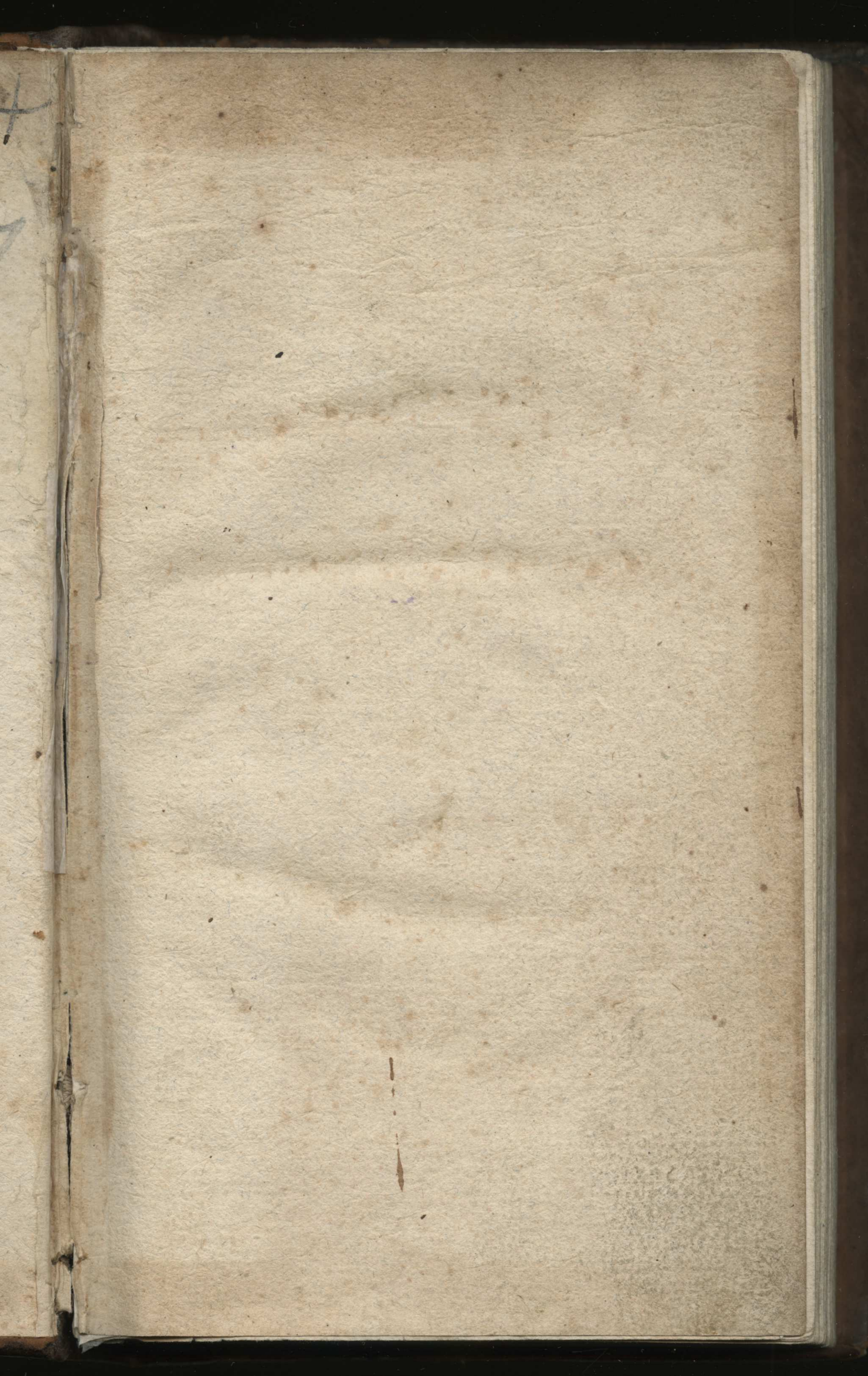

ИСТОРІЯ СОКРАЩЕННАЯ О СМЕРТИ ЖАНА КАЛАСА,

И

О КАЛАСАХЪ ВООБЩЕ,

Съ приобщеніемъ къ тому разныхъ писемъ, представленій и прочаго, изъ твореній г. Волтера.

Перевелъ съ Французскаго

Ефимъ Розноповской.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи
Наукъ 1788 года.

ОТЪ ПЕРЕВОДИВШАГО.

Сїе переведенное мной о *Каласахъ* приключенїе заслуживаетъ ли подлинно, какъ говоритъ творецъ онаго, вниманїе нашего вѣка и потомства, предоставляю я то почтеннѣйшему читателю на усмотрѣнїе: ибо извѣстно, что всякъ любитъ судить о вещахъ по образу своихъ мыслей.

Что до меня, я покусился перевести сїе и напечатать на нашемъ языкѣ, пользы ради, или удовольствїя моихъ соотчичей; и устремленъ къ тому вопервыхъ возданною творцу оному на сей случай хвалою; наипаче же тѣмъ праведнымъ благословенїемъ, съ каковымъ сей творецъ предаетъ

памяти позднаго потомства сладчайшее оное человѣколюбїе и благотворенїе, кое сами, блаженнаго вѣка нашего, мудрые Монархи, и толь многїя сострадательныя сердца на злощастную сїю *Каласовъ*, и на подобно гонимую еще фамилїю *Сирвеновъ* излїяли; воздаятель похвалъ знаменитому оному творцу, покойный Король Прусскїй въ похвальномъ своемъ словѣ господину Волтеру, читанномъ въ Берлинской академїи наукъ 1778 года Ноября 26 дня, между прочимъ говоритъ:

„Онъ (г. Волтеръ) не только что подавалъ правилы нраво„ученїя, но проповѣдовалъ благо„творенїе своимъ примѣромъ. Онъ „то былъ, коего веледушная по„мощь притекла на защищенїе „напаствуемой семьи *Каласовъ*;

„онъ еще, который ходатайство-
„валъ за дѣло *Сирвеновъ*, и кото-
„рый исхитилъ ихъ отъ варвар-
„скихъ рукъ судей; онъ воскре-
„силъ бы и кавалера ла *Бара*, еже-
„либъ токмо имѣлъ даръ творить
„чудеса. Коль красное зрѣлище!
„любомудръ возноситъ гласъ отъ
„глубины убѣжища своего, и че-
„ловѣчество, коего онъ есть ору-
„дїе, принуждаетъ судей перевер-
„шать беззаконные ихъ пригово-
„ры! Ежели бы г. Волтеръ и не
„имѣлъ на своей странѣ ничего
„кромѣ единаго сего дѣянїя, удо-
„стоилсябъ всемѣрно включенъ
„быть въ малое число истинныхъ
„благотворителей человѣчеству.
„Итакъ вѣра и любомудрїе сово-
„купно показуютъ путь къ до-
„бродѣтели. Воззрите, кто паче
„есть Христїанинъ, судїяль осу-

„ждающїй цѣлое семейство во из-
„гнанїе, или любомудръ, собира-
„ющїй оное разсѣянное, и его
„подкрѣпляющїй? - - - - - Палачь
„ли *Каласов*, или покровитель
„горестнаго его семейства? Еди-
„но сїе учинитъ память Волтера
„на вѣки любезною всѣмъ, кто
„токмо рожденъ съ сердцемъ чув-
„ствительнымъ, и внутренно-
„стїю могущею ощущать состра-
„данїе. Коль ни драгоцѣнны суть
„дары ума, воображенїя, высокое
„остроумїе и обширныя свѣдѣнїя,
„сїи толь рѣдко природой расто-
„чаемые дары, не превышаютъ
„однакожъ дѣйствїй человѣколю-
„бїя и благотворенїя: зане пер-
„вымъ удивляются, а послѣднїя
„благословятъ.„

Таковы суть хвалы воздан-
ныя г. Волтеру! Но коимъ образомъ

самъ великодушный сей защитникъ невинности, возвѣщаетъ мїру милосердїе и щедроту преславнѣйшихъ къ злополучнымъ онымъ фамилїямъ благотворителей, сїе читатель наилучше усмотрѣть можетъ изъ грядущихъ его повѣствованїй. Слова, съ дивною вкупѣ, какъ говоритъ авторъ, щедротою, на помощь бѣдствовавшимъ провожденныя: *Горе гонителямъ*; сїи перстами МАТЕРИ нашего отечества начертанныя слова всемѣрно сильны суть впечатлѣть въ душахъ чувствительныхъ достодолжное къ истинной благодѣтельницѣ человѣческаго рода благоговѣинство, и живѣйшее образованїе, колико милосердый на землѣ монархъ, носящїй на себѣ лице Божїе, праведно божеству самому уподобляется.

Впрочемъ я въ переводѣ моемъ всевозможнѣйше старался соблюсти только смыслъ знаменитаго онаго автора въ семъ приключенiи; и буду доволенъ, естьли переводъ мой найдется вѣренъ и вразумителенъ.

СОКРАЩЕННАЯ ИСТОРІЯ
О
СМЕРТИ
ЖАНА КАЛАСА.

Умерщвленіе *Каласа*, мечемъ правосудія свершенное въ Тулузѣ 9 Марта 1762 года, есть одно изъ знаменитыхъ приключеній, заслуживающихъ вниманіе нашего вѣка и потомства. Въ краткое время предаются забвенію безчисленныя оныя громады мертвыхъ погибающихъ во сраженіи, не потому единому, что то дѣйствіе неизбѣжнаго рока брани; но ради еще того, что умершіе жребіемъ оружія равно могли нанести смерть и своимъ супостатамъ: слѣдовательно погибли неинако какъ до послѣдняго защищаясь издыханія. Тамъ гдѣ опасность и превосходство равны, скоро преходитъ изумленіе, и жалость самая ослабѣваетъ. Но когда невинный отецъ семейства предается

въ руки заблужденія, страсти, или бѣсносвятія (*Fanatisme*), когда обвиняемый ничего къ защищенію своему кромѣ добродѣтели не имѣетъ; когда властители его жизни, отъемля оную, не подвергаются большей опасности, какъ только обмануться; когда могутъ они приговоромъ своимъ умертвить не страшась самимъ себѣ за то казни: вопль тогда народный возстаетъ до небесъ; всякъ страшится о самомъ себѣ; всякъ зритъ, что нѣтъ ни единаго изъ нихъ въ безопасности своей жизни предъ судилищемъ, постановленнымъ ради недреманнаго бдѣнія о жизни согражданъ: всѣ тогда гласы на востребованіе праведной мести соединяются.

Въ семъ странномъ дѣлѣ сужденіе касалося до вѣры, самоубійства, чадоубійства: предлежало изслѣдованію, удавилиль отецъ и мать сына своего ради угожденія Богу? удавилъ ли братъ единоутробнаго брата? удавилъ ли другъ своего друга? и укоря-

лилъ себя судіи умертвивъ мучительнымъ колесованіемъ невиннаго отца, и въ тожъ время пощадивъ виновныхъ мать, брата, друга?

Жанъ Каласъ, шестидесятьосмилѣтній старецъ, и болѣе уже сорока лѣтъ производившій въ Тулузѣ торговлю, всѣми жившими съ нимъ въ домѣ и знакомствѣ признаваемъ былъ за благонравнаго въ семействѣ отца. Онъ, жена и дѣти его протестантскаго были исповѣданія, кромѣ одного только сына отрекшагося ереси, которому отецъ приличное опредѣлилъ содержаніе. Сей отецъ толико чуждъ былъ безумнаго онаго всѣ союзы общества разрушающаго бѣсносвятія, что обращеніе сына своего *Людовика Каласа* въ вѣру католическую, одобрилъ безъ всякаго прекаканія, и съ тритцать сряду лѣтъ держалъ въ домѣ своемъ воспитывавшую всѣхъ его дѣтей служанку, ревностнѣйшую католичку.

Одинъ изъ сыновъ *Жана Каласа* именемъ *Маркъ-Антоній*, человѣкъ

ученый, но жизни мятежныя, мрачнаго и гнѣвливаго духа, не могши вступить ни въ торговлю, понеже не былъ къ тому способенъ, ни принятъ быть въ стряпчїе, ибо надлежало ему имѣть о католичествѣ своемъ свидѣтельствы, коихъ онъ получить не могъ, предпрїялъ лишить себя жизни, и далъ о томъ нѣкакъ разумѣть одному своему прїятелю. Въ таковомъ намѣренїи утвердился чтенїемъ всего что только писано гдѣ о самоубїйствѣ.

Наконецъ, проигравъ нѣкогда (*) всѣ свои деньги, тотъ же день избралъ на свершенїе пагубнаго своего замысла. Другъ его дому, и ему самому, именемъ *Лавесъ*, молодый девятнатцатилѣтнїй человѣкъ, извѣстный по его непорочности и кротости нрава, сынъ славнаго стряпчаго Тулузскаго, прїѣхалъ на вечеръ изъ Бурдо, и нечаянно ужиналъ у *Каласа*. Отецъ, мать, *Маркъ-Антонїй* старшїй ихъ сынъ, и *Петръ* вторый сынъ, всѣ кушали

(*) Октября 12, 1761 года.

вмѣстѣ. Послѣ ужина отходятъ въ гостиную комнату; *Маркъ-Антоній* скрывается. Наконецъ, когда уже *Лавесъ* хотѣлъ итти въ домъ свой, сходитъ съ нимъ вмѣстѣ *Петръ Каласъ*, и вдругъ усматриваютъ въ низу на дверяхъ товарной лавки висящаго въ рубахѣ *Марка-Антонія*; платье его сложенное лежало на конторномъ столѣ; рубаха нимало не помята; волосы въ порядкѣ; на тѣлѣ нималѣйшей не было язвы, и никакихъ убійственныхъ знаковъ (*).

Оставимъ здѣсь тѣ подробности, о коихъ писали уже стряпчіе; нестанемъ повторять печаль и отчаяніе отца и матери: вопль ихъ слышимъ былъ всѣми сосѣдьми. Изумленные *Лавесъ* и *Петръ Каласъ* бѣгутъ искать

(*) И по пренесеніи уже мертваго тѣла его въ градскую ратушу, нашли только малую на носу оцарапину и небольшее пятно на груди, причиненное какою либо неосторожностію въ перенесеніи.

врачей и призвать расправу во свидѣтельство.

Во время какъ исполняли они сїю должность, и когда отецъ и мать въ горчайшихъ слезахъ и рыданїяхъ погружалися, Тулузскїй народъ сонмами окружаетъ ихъ домъ. Суевѣрный и изступленный народъ сей яко на чудовищь взираетъ на свою братїю, кои не суть единаго съ нимъ исповѣданїя. Въ Тулузѣ то было, что торжественно приносили Богу благодаренїе о смерти *Генриха* III. и клялись умертвить мечемъ перваго, кто дерзнетъ признать законнымъ Королемъ великаго и благосердаго *Генриха* IV. Сей градъ до днесь еще каждогодно торжественными ходами и радостными огнями празднуетъ день, въ который, два уже тому назадъ вѣка, умерщвлялъ онъ въ нѣдрѣ своемъ четыре тысячи еретиковъ согражданъ своихъ. Тщетно Совѣтъ Государственный шесть кратъ приговорами своими запрещалъ ненавистное сїе празднованїе: Тулузцы все-

тда оное торжествовали, такЪ какЪ и потѣхи цвѣточныя. (*)

НѣкІй отЪ народа онаго бѣсносвятЪ вскричалЪ, что *ЖанЪ КаласЪ* самЪ удавилЪ сына своего *Марка-Антонія*; и сіе восклицаніе, нѣсколько разЪ повторенное, мгновенно сдѣлалось общенароднымЪ. Другіе присовокупили кЪ тому, будто умершій наутріе намѣрился отрещись ереси, и что семейство самое и молодый *ЛавесЪ*, по ненависти кЪ вѣрѣ католической его удавили. Вскорѣ по семЪ нималѣйше уже вЪ томЪ не сомнѣваются: весь градЪ увѣренЪ сталЪ, будто и правило протестантскія вѣры есть, что отецЪ

(*) *Потѣхи цвѣточныя*, или *Академія цвѣточныхЪ игрЪ*, такЪ называется собраніе совокупляющееся вЪ Тулузѣ, для раздаянія наградЪ, состоящихЪ изЪ цвѣтовЪ золотыхЪ и серебреныхЪ, коими награждаются тѣ, кто наилучше оказалЪ успѣхи вЪ поэзіи, или вЪ краснорѣчіи. Слов.. Академ.. Франц..

и машь должны умерщвляшь сыновЪ своихЪ, коль скоро шокмо восхошяшЪ они вЪ вѣру паки истинную обрашишься.

Взволновавшіесь единожды умы не легко укрощающся. ТошчасЪ воображаюшЪ, чшо Лангедокскіе прошестаншы на канунѣ предЪ шѣмЪ были вЪ собраніи; чшо большинсшвомЪ голосовЪ избрали они и палача ошЪ секшы своей; чшо выборЪ палЪ на молодаго *Лавеса* и чшо сей юноша, чрезЪ сушки пошомЪ, получилЪ извѣсшіе о своемЪ избраніи, и прибылЪ изЪ Бурдо вЪ ТулузЪ на помощь *Жану Каласу*, его женѣ и сыну ихЪ *Петру*, дабы имЪ совокупно удавишь друга, сына, брата.

Подвигнушый народнымЪ онымЪ воплемЪ Тулузскій капишулЪ (*) г. *ДавидЪ* возмечшавЪ поспѣшнымЪ дѣла сего вершеніемЪ прославишься, первое изслѣдованіе учинилЪ совсѣмЪ прошивно

(*) Градскій голова вЪ Тулузѣ шакЪ нарицающійся.

законамъ и уставамъ Государственнымъ: и потому семейство *Каласово*, служанка католичка и *Лавесъ* заключены въ оковы.

Издали потомъ къ народу увѣщаніе (*), столь же законопреступное, какъ и первый оный обыскъ: далѣе еще поступили. *Маркъ Антоній Каласъ* умеръ калвинистомъ; и такъ, ежели онъ самъ поступилъ на жизнь свою, должнобъ было за то влачить его по праху улищному; но его съ величайшимъ великолѣпіемъ въ церквѣ святаго Стефана погребаютъ, не смотря на сильное священника той церкви противъ нечестія сего прекословіе.

Въ Лангедокѣ четыре есть братства исповѣдниковъ: Бѣлые, синіе, сѣрые и черные. Сіи братья длинныя носятъ мантіи, съ пришитыми сверху

(*) Monitoire. Дѣйствіе, каковаго въ Россійскомъ гражданскомъ судопроизводствѣ кажется не бываетъ, и значитъ

ради покровенія главы клобуками, и съ двумя на нихъ отверстіями ради свободнаго глазамъ зрѣнія. Они-то старались нѣкогда преклонить герцога *Фиц-Жамеса*, области сей правителя, войти въ ихъ общество; но герцогъ то отвергнулъ. Братія бѣлые отправили *Марку Антонію Каласу*, яко мученику, службу торжественную. Ни единая церьковь никоему истинному мученику, и никогда съ толикимъ великолѣпіемъ празднества не отправляла; но сія пышность была ужасна. На велелѣпномъ амвонѣ воздвигнутъ былъ человѣческій оставъ искусно приводимый въ движеніе, образующій *Марка Антонія Каласа*, держащаго въ единой рукѣ ваію (*) и въ другой перо, коимъ акибы долженствовалъ онъ подписать отрицаніе

увѣщаніе къ народу, дабы всякъ донесъ суду по совѣсти, что онъ вѣдаетъ о настоящемъ дѣлѣ.

(*) Пальмову, или Финиковую вѣтвь.

свое отъ ереси, и которымъ дѣйствительно писалъ смертный отцу своему приговоръ.

Тогда сему наложившему руки на животъ свой нечестивцу, единаго только причтенія въ святые недоставало. Весь народъ почитаетъ уже его святымъ: одни призываютъ его въ мольбахъ своихъ, другіе текутъ молить его на гробѣ, третіи просятъ о чудотвореніи, инные повѣствуютъ и о чудесахъ уже имъ содѣянныхъ. Нѣкій монахъ исторгнулъ изъ челюстей его нѣсколько зубовъ, ради содѣланія ихъ на вѣчность мощами. Глухая еще святоша сказуетъ, что она колокольный слышала благовѣстъ. Поверженный въ разслабленіе попъ, по принятіи рвотнаго получилъ исцѣленіе; и уже установляютъ изъ сихъ чудесъ сказаніе. Но вопреки тому писатель сей сокращенной исторіи въ рукахъ своихъ имѣетъ достовѣрное свидѣтельство, что нѣкто молодый Тулузецъ отъ того впалъ въ безуміе, что многіе но-

чи молился на гробѣ святаго, и ни единаго, о коемъ его просилъ, не умолилъ чуда.

Нѣкоторые судіи были общники братства исповѣдниковъ бѣлыхъ; и съ сего часа смерть *Жана Каласа* являлась уже неизбѣжною.

Но паче всего уготовляло ему казнь приближеніе страннаго онаго празднества, кое Тулузцы ежегодно въ память избіенія четырехъ тысячь Гугенотовъ отправляютъ; а сей годъ былъ сотое торжества онаго лѣто. Уже приготовлялись въ городѣ наружные торжества сего знаки: и сіе наиболѣе воспламенило разгоряченное народа воображеніе; велегласно говорятъ, что ешафотъ, на коемъ колесовать станутъ *Каласа*, величайшимъ будетъ празднества сего украшеніемъ; что само провидѣніе привело сіи жертвы на посвященіе святой нашей вѣрѣ. Двадцать человѣкъ слышали сіи, и жесточайшія еще разглагольствія. Сіель достойно дней нашихъ! Сіель достойно вре-

мени, вѣ коемѣ философія толикія явила успѣхи! Сіель достойно того времени, когда сто академій писаніями своими вдыхаютѣ вѣ насѣ кроткіе нравы! Кажется, что раздраженное нѣкіими успѣхами разума бѣсносвятіе, тѣмѣ паче подѣ пятой его свирѣпствуетѣ.

Тринатцать судей вседневно ради вершенія дѣла сего собиралися. Не имѣли они, да и имѣть не могли никакого на семью доказательства; но мнимо поруганная вѣра заступала мѣсто доказательствѣ. Шесть изѣ сихѣ судей долгое время непоколебимо упорствовали, чтобѣ осудить *Жана Калаца*, его сына и *Лавеса* на казнь колесованія, а супругу *Жана Каласа* на сожженіе вѣ срубѣ. Прочіе семь умѣреннѣйшіе, желали по крайней мѣрѣ изслѣдовать дѣло еще внимательнѣе; и споры о семѣ неоднократно повторяемые, довольное время продолжались. Одинѣ изѣ судей увѣренный вѣ неповинности обвиняемыхѣ, и вѣ невозмож-

ности таковаго злодѣянія, съ крайнимъ защищалъ ихъ ревнiемъ: любовь къ человѣчеству противополагалъ онъ ревнiю строгости; и паче, онъ сдѣлался за *Калассовъ* ходатаемъ во всѣхъ Тулузскихъ домахъ, гдѣ непрерывный вопль о оскорбленiи вѣры требовалъ крови сихъ злополучныхъ. Другiй судiя, извѣстный по его жестокосердiю, съ таковымъ же жаромъ вопiялъ по всему городу на *Калассовъ*, съ каковымъ первый являлъ то на ихъ защищенiе. Наконецъ возсталъ межь ними толикiй шумъ, что оба они взаимно другъ друга отъ суда отрѣшили, и уѣхали потомъ въ деревни.

Но по странному нещастiю, когда судiя благопрiятствовавшiй *Калассамъ* толико честенъ былъ, что неколеблемо пребылъ во своемъ отрѣшенiи, другiй, напротивъ, возвратился къ судилищу, и далъ свой голосъ противу тѣхъ, коихъ онъ судить совсѣмъ не долженствовалъ, и сей то самый голосъ устроилъ осужденiе къ колесованiю: ибо

чрезъ то восемь голосовъ стало противъ пяти; понеже одинъ изъ шести сопротивныхъ сему судей, по долгомъ пренiи къ суровѣйшей преклонился сторонѣ.

Кажется, что когда дѣло касается до чадоубiйства, и преданiя домоотца на страшную казнь, сужденiе тогда должно быть единогласно, ради того, что и доказательствы на толь неслыханное злодѣянiе должны быть всякому ощутительны и очевидны. По сему малѣйшаго въ подобномъ случаѣ сомнѣнiя довольно, чтобы судiю, подписующаго смертный приговоръ, повергнуть въ трепетъ. Слабость нашего разума, и недостатокъ законовъ, ощущаются вседневно: въ какомъ же наиболѣ случаѣ злощастiе очамъ нашимъ открывается, какъ не въ томъ, гдѣ перевѣсъ единаго только голоса опредѣляетъ колесовать гражданина? Въ Аѳинахъ пятьдесятъ голосовъ требовалось сверьхъ равенства, дабы дерзнуть смертный произнести судъ. Чтожь изъ се-

го слѣдуетъ? Едино то поистинѣ, что мы весьма безполезно знаемъ, что Греки были и премудрѣе и человѣколюбивѣе насъ.

Невозможнымъ казалось, чтобъ *Жанъ Каласъ*, шестидесятьосмилѣтнїй старикъ, съ давнаго уже времени страдавшїй въ ногахъ опухолью и разслабленїемъ, удавилъ одинъ и повѣсилъ сына двадцатиосмилѣтняго, который необычайныя былъ силы. Надлежало, всемѣрно, чтобъ въ семъ дѣянїи вспомоществованъ онъ былъ своею женою, сыномъ *Петромъ Каласомъ*, *Лавесомъ* и служанкою: ибо ни на едину минуту не разставались они въ вечеръ пагубнаго сего приключенїя. Но и сїе предположенїе столь же было безумно какъ и другое: ибо, какимъ образомъ служанка, ревностная католичка, могла стерпѣть, чтобъ Гугеноты воспитаннаго ею юношу за то умерщвляли, что возлюбилъ онъ вѣру сея служанки? Какимъ образомъ *Лавесъ* прiѣхать могъ изъ Бурдо точно ради

удавленія своего друга, коего не зналъ еще онъ мнимаго и обращенія? Какимъ образомъ нѣжная мать могла положить руки на жизнь своего сына? Какимъ образомъ всѣ они вмѣстѣ возмогли удавить молодаго человѣка, столь же какъ и всѣ они совокупно сильнаго, безъ долгаго и усильственнаго сопротивленія, безъ страшнаго вопля, который бы всемѣрно созвалъ все сосѣдство, безъ многихъ тяжкихъ ударовъ, безъ знаковъ убійственныхъ и не изодравъ даже одѣянія?

Ясно было, что ежели могло быть содѣяно чадоубійство, всѣ обвиняемые равномѣрно были и виновны, потому что ни на минуту другъ съ другомъ не разставались; ясно было, что они невинны; ясно было, что и одинъ отецъ не могъ также быть виновенъ; однакожь приговоръ осудилъ сего отца единаго умереть на колесѣ.

Побудительная приговора сего причина толь же непостижима, какъ и все прочее. Судіи рѣшившіесь на казнь *Жа-*

на Каласа увѣрили другихъ, что сей слабый старикъ не возможетъ сопротивиться мученіямъ, и подъ ударами палача исповѣдуетъ злодѣяніе свое и сообщниковъ. Но они въ крайнее повержены были смятеніе, узрѣвъ, что сей мучимый на колесѣ старецъ, испуская послѣдній духъ, призывалъ во свидѣтельство невинности своей Бога, и умолялъ его о прощеніи судіямъ.

Судіи принуждены были сдѣлать другой приговоръ, совсѣмъ прекословный первому: свободить отъ оковъ мать, сына ея *Петра*, молодаго *Лавеса* и служанку. Но одинъ изъ совѣтниковъ образумилъ ихъ, что сей совершенно прекословный первому приговоръ есть такой, коимъ они сами себя обвиняютъ: ибо, поелику обвиненные во время предположеннаго чадоубійства всѣ были неразлучны, то свобожденіе изъ нихъ коголибо вживѣ, неопровергаемо будетъ доказывать невинность умерщвленнаго домоотца. По сей причинѣ рѣшились они изгнать

Петра Каласа сына его. Сїе изгнанїе толикожъ кажется неосновательно, толикожъ сумазбродно, какъ и все прочее; понеже *Петръ Каласъ* или виновенъ былъ въ убїйствѣ, или невиненъ; ежель виновенъ, надлежало его такъ какъ и отца колесовать; естьлижъ невиненъ, не должно было изгонять его. Но судїи устрашенные казнїю отца, и толь разительнымъ его благочестїемъ, съ каковымъ онъ умеръ, возмнили сохранить честь свою внушенїемъ народу, что они сыну явили милосердїе, какъ будтобъ сїе ихъ милосердїе не было новымъ еще предательствомъ, или нарушенїемъ должности. Уповали, что изгнанїе юнаго сего человѣка въ нищетѣ, лишенна помощи, безъ всякаго останется послѣдствїя, и не будетъ уже толь лютымъ неправосудїемъ, каково они надъ отцемъ по нещастїю содѣяли.

Итакъ начинаютъ потомъ угроженїемъ заключенному въ темницѣ *Петру Каласу*, что и съ нимъ поступ-

лено будетъ такъ какъ и съ отцемъ его, ежель онъ не отречется вѣры своей. Самъ сей юноша (*) свидѣтельствуетъ то клятвенно.

Петръ Каласъ изшедъ изъ града срѣтился съ однимъ обращающимъ на путь католическаго исповѣданія аббатомъ, который принудилъ его войти паки въ Тулузъ. Тамъ заключаютъ его въ монастырь Доминиканскій, принуждаютъ совершить всѣ должности католичества: сіе-то было частію исполненія желаемаго, или мздовоздаяніе за проліянную кровь отца его, и вѣра, о коей мнили, что получила уже за себя месть, казалась тѣмъ удовлетворенною.

Восхитили потомъ отъ матери дочерей, и заключили въ монастырь. Сія

(*) Якобитъ вошедъ въ мою темницу угрожалъ мнѣ тогожъ рода смертію, ежель я не отрекусь вѣры моей: Свидѣтельствую сіе предъ самимъ Богомъ. 23 Іюля 1762.

Петръ Каласъ.

облїянная, такЪ сказать, мужнею кровїю жена, держащая мертваго сына вЪ матерьнихЪ своихЪ объятїяхЪ, другаго зря изгнанна, лишенная дочерей, ограблена всего имѣнїя, едина вЪ свѣтѣ оставленна безЪ дневнаго даже пропитанїя, безЪ надежды, вЪ крайности злощастїя своего уже издыхала. Нѣкїе сострадательные о человѣчествѣ мужи, тщательно разсмотрѣвЪ обстоятельствы страшнаго сего приключенїя, толико онымЪ поражены были, что принудили уклонившуюсь вЪ плачевное уединенїе госпожу *Калась* безбоязненно тещи кЪ подножїю Монаршаго престола, и тамо просить правосудїя. Тогда-то немогшую влачить ногЪ, уже исчезавшую, и впрочемЪ урожденную Агличанку, вЪ область Францїи отЪ юныхЪ ея дней преселившуюсь, едино имя Парижа повергало вЪ трепетЪ. Воображала она, что столица Францїи должна быть еще лютѣе, нежель столица Лангедока. Должность, однакожь, да отмститЪ поруганїе па-

мяши своего супруга, пресилила ея немощь. Прибыла въ Парижъ, и шамо нашла приемъ, помощь и сострадание.

Въ Парижѣ разумъ премогаетъ уже бѣсносвятіе, коль ни сильно есть сіе чудовище, вмѣсто того что въ области, разумъ вседневно, такъ сказать, попираемъ ногами бѣсносвятства.

Господинъ *де Бомонтъ* знаменитый стряпчій Парламента Парижскаго, тотчасъ взялся защищать злополучную, и сочинилъ о дѣлѣ ея совѣщаніе, которое и подписано пятнатцатью стряпчими. Господинъ *Лоазо*, толикожь краснорѣчивый, сочинилъ на оправданіе злополучной семьи представленіе. Господинъ *Маріеттъ*, стряпчій совѣта Монаршаго, написалъ на законахъ основанное прошеніе, которое сильнымъ своимъ убѣжденіемъ мгновенно объяло всѣ умы.

Сіи три великодушные законовъ и невинности защитники прибытокъ отъ изданія оныхъ своихъ твореній,

нещастной вдовѣ *Калас* даровали (*). Парижъ и вся Европа подвигнушы жалостію, требовали злощастной сей женѣ правосудія; и приговоръ на сіе всею публикою произнесенъ уже былъ за долго прежде нежели подписанъ еще оный Совѣтомъ.

Сострадательность проникла сердца даже правителей дѣлъ государственныхъ, не смотря на непрерывное оныхъ теченіе, которое часто сострадательность сію отвергаетъ, и не смотря на обыкновеніе видѣть всегда нещастливцовъ, что паче ожесточаетъ токмо сердце. Возвращаютъ матери дочерей, всѣхъ троихъ въ печальномъ зрятъ одѣяніи, и обливающихся слезами; а сіе исторгаетъ слезы и отъ очей судей ихъ.

Однакожь, злополучная сія семья имѣла еще нѣкіихъ себѣ враговъ: ибо

(*) Во многихъ городахъ издали ихъ тисненіемъ бездѣльнически, и госпожа *Каласъ* лишилась плода и отъ сего великодушія.

дѣло касалося до вѣры. Многія особы, коихъ *набожными* (*) во Франціи нарицаютъ, велегласно вопіютъ, что весьма лучше попустить колесованіе невиннаго старика калвиниста, нежель подвергнуть восемь Лангедокскихъ совѣтниковъ признанію, что они обманулись: разглашаютъ еще сіе точно изреченіе: „гораздо больше есть „судей, нежели *Каласовъ*:„ и заключаютъ оттуду, что семья *Каласовъ* должна жертвована быть чести судей. Ахъ! не помышляли притомъ, что честь судей, такъ какъ и честь прочихъ человѣковъ, состоитъ въ заглажденіи своихъ погрѣшностей. Не вѣрятъ уже во Франціи, чтобъ окруженный кардиналами Папа былъ безпогрѣшителенъ; но могутъ еще вѣрить, что восемь Тулузскихъ судей суть непогрѣшительны. Всѣ прочіе мужи

(*) **Devot** происходитъ отъ слова Латинскаго *Devotus*. *Devoti* древняго Рима были тѣ, кои посвятили себя на

благомыслящїе и безпристрастные, повсюду вѣщаютъ, что приговоръ Тулузскїй уничтоженъ будетъ по всей Европѣ, даже тогда, когдабъ и особенныя какїя причины воспятили уничтоженїю его въ Совѣтѣ.

Сїе-то странное и толь ужаснаго приключенїя состоянїе, внушило нѣкїимъ сердцамъ безпристрастнымъ, но сострадательнымъ, намѣренїе изобразить свѣту размышленїя о терпимости вѣръ, о снизхожденїи, и сожалѣнїи о человѣчествѣ, что Аббатъ *Гутевиль* въ надутомъ и сумазбродномъ своемъ о дѣянїяхъ восклицанїи, чудовищнымъ нарицаетъ *Догматомъ*, и что, напротивъ, разумъ *достоянїемъ естества самаго* именуетъ.

Судїиль Тулузскїе народнымъ бѣсносвятствомъ завлеченные, невиннаго домоотца колесовали, нѣтъ ему ни гдѣ подобнаго примѣра; или и подлин-

В

спасенїе республики: таковы были *Курцїи*, *Децїи*.

но сей отецъ и жена его, вспомоществованные сыномъ и другомъ, первенца своего удавили, не существуетъ и сїе въ природѣ. Въ обоихъ сихъ случаяхъ злоупотребленїе святѣйшїя вѣры велїе произвело злодѣянїе. Итакъ польза человѣческаго рода требуетъ изслѣдованїя, должнаљ святая вѣра быти милосерда, или являть жестокость.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ
О
КАЗНИ
ЖАНА КАЛАСА.

Ежель исповѣдники бѣлые воспричинствовали смерть невиннаго, конечное разореніе почтенной семьи, ея разсѣяніе, и толикое поруганіе, кое къ наглому токмо неправосудію отнестись долженствуетъ, и кое съ смертною еще казнію съединяется; ежель оное исповѣдниковъ бѣлыхъ буйство въ отправленіи празднества, яко святому человѣку, коегобъ по праху улищному влачить надлежало, воспричинствовало колесованіе отца семьи добродѣтельной: сіе злоключеніе, несомнѣнно, въ самой вещи долженствуетъ содѣлать ихъ кающимися на всю жизнь, такъ что они купно и съ судіями, должны оплакивать оное не въ долгихъ уже

бѣлыхъ мантїяхъ, и не скрывая лицъ своихъ кукулїями, кои бы слезные ихъ утаевали токи.

Всѣ духовныя братствы почтенны суть, ибо поучительны; но сколь бы ни великое благо могли они содѣлать Францїи, сравнится ль то съ ужаснымъ зломъ ими тамо причиненнымъ? Въ Лангедокѣ, кажется, установлены они ревностїю, вооружающею тамо католиковъ на тѣхъ, коихъ мы *Гугенотами* нарицаемъ. Можно бы сказать, что постановленъ обѣтъ, дабы ненавидѣть собратїю свою человѣковъ: ибо довольно исполнены есмы вѣры гнать и ненавидѣть; но не довольно напоены вѣрою любить и подавать человѣчеству помощь. Чтожь бы послѣдовало еще изъ того, когдабъ сїи братствы управляемы были бѣсносвятами, такъ какъ и были нѣкогда обществы искусниковъ и *начальниковъ* ихъ, у коихъ въ науку и въ цѣлый приведено было порядокъ творить видѣнїя, какъ о семъ одинъ изъ краснорѣчивыхъ и уче-

нѣйшихъ нашихъ судей повѣствуетъ? Чтобы послѣдовать могло изъ того, когдабъ въ сихъ братствахъ воздвигли паки темныя оныя храмины, нарицаемыя нѣкогда *Храмины Богомыслія*, гдѣ образовали дьяволовъ рогами и когтьми вооруженныхъ, изрыгающія пламень пропасти, и сверху сея картины кресты и кинжалы съ пресвятымъ именемъ ІИСУСОВЫМЪ? Коль странное зрѣлище для омраченныхъ уже очей, и тольже воспаленныхъ какъ и порабощенныхъ наставникамъ своимъ, воображеній!

Было время, извѣстно то всякому, когда сіи братствы весьма были страшны. Фрероты и Фражелланы мятежи возжигали. Заговоръ противо Франціи сими обществами начатъ. Почтожъ таковымъ образомъ отъ прочихъ сограждань отличаться? тѣмъ ли мнятъ стати совершеннѣе? Поистинѣ, сїе есть оскорбленїе цѣлаго вообще народа. Не ужель хотятъ вподлинну, чтобъ и всѣ Христїане вступили въ

братствы? Прекрасноеб стало позорище, когда бы вся Европа въ длинныхъ явилась мантiяхъ и на главахъ въ кукулiи (*) съ двумя малыми круглыми предъ очьми отверстiями! Неужель въ самомъ сердцѣ вмѣщаютъ помыслъ сей, что Богъ предпочитаетъ убранство сiе стройному тѣла одѣянiю? Нѣтъ, всемѣрно! убранство сiе есть однорядка стязующихся о вѣрѣ, возвѣщающая сопротивникамъ готовымъ быть къ оружiю (**). Она-то можетъ возбудить въ разумахъ нѣкiй родъ междоусобiя, да и кончиться можетъ быть край-

(*) Клобукъ, или Кукулiй есть головное монашествующихъ покрывало. Церк. Слов.

(**) Очевидно, что авторъ говоритъ здѣсь прямо о Францiи, и о духовныхъ ея многоразличныхъ чиновъ, и многообразныхъ одѣянiй братствахъ, Римскими Папами установленныхъ, и отъ нихъ, сирѣчь отъ чуждой власти, зависящихъ: ибо о духовенствѣ другихъ областей, гдѣ оное, такъ какъ и всѣ прочiе члены

ностїю плачевнѣйшею, естьли только Король и его совѣтники не будутъ по нещастїю толико мудры, колико безумны суть бѣсносвяты.

Государственные безъ изъятїя, подъ единою Монаршею суть властїю, говоритъ онъ съ глубокимъ почтенїемъ. (Зри выше, и представл.. Дон.. Калаcа; а паче книжицу опытъ историч.... и критической о несогласїи церквей въ Польшѣ, въ Россїйскомъ переводѣ, 1769 и 1776 года, на страницѣ 12 й...)

Подлинныя бумаги, касающіяся до смерти Каласовъ, и учиненнаго о томъ въ Тулузѣ сужденія *и проч.* . . .

Выписка изъ письма вдовствующей Гж. Каласъ.

От̃ 15 Іюня 1762 года.

Нѣтъ, Государь мой, ничего не преминула я употребить на доказательство нашей невинности, предпочитая паче умереть оправданною, нежели жить подозрѣваемой въ преступленіи. Но не престаютъ угнѣтать невинность: на все горестное семейство наше лютое воздвизаютъ гоненіе. Приходятъ, какъ уже извѣстно вамъ, восхитить отъ меня любезныхъ дочерей, послѣднее оставшееся мнѣ утѣшеніе, дабы заключить ихъ въ разные два монастыря Тулузскіе; ведутъ потомъ на мѣсто зрѣлища страшныхъ нашихъ злополучій; и такъ наконецъ разлучаютъ. Но ежели то подлинно, что милосердый

Монархъ благоволилъ повелѣть о нихъ пещися, не въ силахъ я болѣе какъ только умолять *Всевышшее* на Него благословенїе.

И вотъ, Государь мой, точная подробность злополучнаго нашего дѣла, какъ оное въ самой истинѣ происходило.

13 Октября 1761 года, въ сей нещастный для насъ день, прiѣхалъ господинъ *Гоберъ Лавесъ* изъ Бурдо (гдѣ онъ жилъ нѣкое время), ради свиданїя съ родителями своими, кои тогда были въ деревнѣ. Искавъ извощичьей лошади, дабы къ нимъ туда съѣхать, въ исходѣ четвертаго часа къ вечеру приходитъ домой, и мужъ мой говоритъ ему, что какъ онъ (*Лавесъ*) уже не ѣдетъ, не угодноль ему съ нами отужинать, чѣмъ сдѣлаетъ намъ удовольствїе; на что молодой человѣкъ согласился; вошелъ потомъ увидѣться со мной въ комнату мою, изъ коей я противъ обыкновенїя тогда не выходила. По первой учтивости ска-

залъ онъ мнѣ, что приглашенный мужемъ моимъ, онъ будетъ у насъ ужинать. Изъявивъ ему на то удовольствіе свое, оставила я его на нѣсколько минутъ, дабы приказать нѣчто своей служанкѣ. Сыскавъ потомъ старшаго моего сына *Марка-Антонія*, коего нашла я одного сѣдящаго въ лавкѣ въ глубокой задумчивости, просила его, чтобъ онъ сходилъ купить Рокефортскаго сыру: ибо онъ обыкновенно его покупывалъ, для того, что доброту онаго зналъ лучше нежели другіе: на, сказала я ему, возми деньги, купи на нихъ Рокефортскаго сыру, и остальныя отдай отцу. Возвратилась потомъ въ свою комнату къ оставшемуся тамъ г. *Лавесу*; но онъ вскорѣ отъ меня отлучился, сказавъ, что хочетъ сходить къ извощикамъ провѣдать, не пришлаль къ нимъ лошадь: ибо твердо вознамѣрился поутру рано ѣхать въ деревню къ отцу, и вышелъ.

Между тѣмъ когда сынъ мой *Маркъ Антоній* купилъ сыръ, насталъ часъ

ужина (*), всѣ собрались къ столу, и мы сѣли. Во время ужина, который не весьма былъ продолжителенъ, разговаривали о вещахъ только посторонних, а между прочимъ о древностяхъ въ градской ратушѣ находящихся: младшїй мой сынъ *Петръ* хотѣлъ было нѣчто о томъ расказывать; но братъ пресѣкъ рѣчь его, потому что онъ и нехорошо и неправильно расказывалъ.

Во время когда уже мы ѣли плоды, нещастный оный сынъ *Маркъ-Антонїй* вставъ по обыкновенїю своему изъ за стола, проходитъ чрезъ кухню: служанка (**) говоритъ ему, не озяблиль вы сударь? погрѣйтеся. Напротивъ, отвѣчалъ онъ, я сгораю, и вышелъ. Мы нѣсколько еще минутъ за столомъ оставались, и послѣ перешли всѣ, именно г. *Лавесъ*, мужъ мой, сынъ и я въ извѣстную вамъ комнату, въ коей

(*) Въ семь часовъ.

(**) Кухня была подлѣ столовой въ первомъ жильѣ.

нѣкогда вы почивали: *Лавесъ* съ мужемъ моимъ сѣли на софу, сынъ въ креслы, а я на стулъ, и сидя такимъ образомъ разговаривали. Между тѣмъ сынъ заснулъ, и уже около девяти часовъ г. *Лавесъ* съ нами простился; разбудили мы младшаго сына; дали ему свѣчу ради провожденія *Лавеса*, и они оба сошли.

Но коль скоро сошли они на низъ, минуту спустя услышали мы страшный вопль, нимало не могши разобрать молвы въ оном произносимой, на который тотчасъ побѣжалъ мужъ мой, а я трепещущая осталась на переходѣ, не смѣя сойти на низъ, и не зная что такое тамъ случилося.

Между тѣмъ не видя никого возвращающагося, вознамѣрилась я сама сойти, и сошла. Въ низу лѣстницы нашла я г. *Лавеса*, и съ торопливостію спросила у него, что тамо происходитъ? но онъ, вмѣсто отвѣта, проситъ меня, чтобъ я возвратилась паки въ покой, а о приключеніи узнаю

послѣ; и просилъ меня толь усильно, что я съ нимже вмѣстѣ въ покой свой и возвратилась. Всемѣрно дѣлалъ онъ сїе ради того, чтобъ пощадить меня отъ лютой горести увидѣть сына своего въ плачевномъ его состоянїи, и сошелъ опять на низъ. Но неизвѣстность, въ каковой я находилася, столь для меня была мучительна, что не возмогла остаться долго въ своемъ покоѣ: и такъ зову служанку; говорю ей, сбѣгай *Жаннета* въ низъ, посмотри что тамъ происходитъ? Не знаю сама, отъ чего то я трепещу! Сказавъ сїе дала ей свѣчу, и она сошла: видяжь потомъ, что и она не возвращается сказать мнѣ о приключенїи, сошла я сама. Но, о Великїй Боже! коликою объята была я горестїю и удивленїемъ, когда узрѣла сего любезнаго мнѣ сына простерта на землѣ! Не думая однакожь быть его мертва, стремглавъ бѣгу искать унгарскую водку, мня его только въ припадкѣ; и какъ надежда по всѣхъ уже

пособїяхъ послѣдняя насъ оставляетъ, я подавала ему всѣ помощи, кои токмо возможны мнѣ были ради приведенїя его въ чувство, нимало не увѣряясь чтобъ онъ былъ мертвъ. Еще всѣ мы тѣмъ ласкалися, понеже искали и лѣкаря, который между тѣмъ стоялъ подлѣ меня, такъ что я и не примѣтила его до тѣхъ поръ, какъ онъ мнѣ сказалъ, что всякое теперь старанїе о немъ безполезно: онъ мертвъ. Я вопреки утверждаю, что невозможно тому статься: прошу его употребить еще старанїя, и разсмотрѣть внимательнѣе; что хотя исполнялъ онъ, но безполезно: истина стала несомнительна. Во все сїе время мужъ мой, опершїйся на конторный столъ, въ толь сильное поверженъ былъ отчаянїе, что сердце мое несказанно раздиралося, то плачевнымъ сына моего зрѣлищемъ, то страхомъ лишиться возлюбленнаго супруга, отъ лютой его горести, коей онъ, не внемля уже никаковому утѣшенїю, предался со-

вершенно. ВЪ семЪ-то состоянїи нашла насЪ Расправа, и взявЪ всѣхЪ подЪ стражу, повелѣла намЪ взойти паки вЪ комнату.

Таково есть, Государь мой, отЪ слова до слова дѣло наше вЪ его произшествїи! и я прошу Бога, вѣдущаго нашу невинность, да накажетЪ меня вѣчнымЪ мученїемЪ, ежель я хотя едину *їоту* прибавила, или убавила, или же не повѣдала сущїя истины во всѣхЪ обстоятельствахЪ. Сїю истину, готова я запечатлѣть моею кровїю, и проч. . . . . . .

Письмо отъ Доната Каласа, писанное ко вдовствующей его матери Гж. Каласъ.

Изъ Шателена 22 Іюня 1762 года.

Дражайшая нещастливица, почтенная матерь! Письмо твое отъ 15 Іюня видѣлъ я въ рукахъ нѣкоего нашего друга, который читая его горестно плакалъ; а я омочивъ его слезами, повергся на колѣна, и сокрушенно молилъ Господа, да потребитъ онъ меня отъ земли живыхъ, ежели ктонибудь отъ семьи нашея причастенъ толь Богомерзкаго чадоубійства, кое взвели на отца моего, брата, и въ кое ты нѣжная и благотворная матерь вовлечена и сама.

Принужденный нѣсколько тому мѣсяцовъ отъѣхать ради малыя моей торговли въ Швейцарію, тамо услышалъ я о непостижимомъ мнѣ всего семейства нашего злополучіи. Первѣе всего возвѣщенъ, что ты, дражайшая ро-

дительница, также отецъ нашъ, братъ *Петръ Каласъ*, и г. *Лавесъ*, извѣстный оный по его честности и благонравію юноша, всѣ вы заключены въ Тулузѣ въ оковы, что старшій мой братъ *Маркъ-Антоній* страшною умеръ смертію, и что ненависть, толь часто отъ разности исповѣданій раждающаяся, всѣхъ васъ въ убійствѣ обвинила. Отъ жестокости скорьби моей повергшись въ тяжкую болѣзнь, желалъ я смерти и самому себѣ.

Вскорѣ потомъ увѣдомляютъ меня, что скопище народа Тулузскаго, видя брата моего мертва, при самыхъ вратахъ дома нашего вопіяло: *Ето самъ отецъ; протестантское ето семейство его умертвило. Маркъ-Антоній хотѣлъ принять вѣру католическую* (*)

(*) Говорятъ, что видали его въ церквѣ. Доказательствомъ сіе, что вознамѣрился онъ отрещись и вѣры своей? Не видятъ ли всеедневно католиковъ ходящихъ слушать славныхъ проповѣдни-

наутріе готовился уже отречься ереси, и отецъ собственными удавилъ его руками, думая что тѣмъ угодитъ Богу. Въ семъ жертвоприношеніи помогалъ ему сынъ Петръ, жена и молодый Лавесъ.

Присовокупляютъ еще, что двацатилѣтній оный *Лавесъ* въ тотъ самый день и изъ Бурдо пріѣхалъ, нарочно избранный въ протестантскомъ собраніи, чтобъ быть ему отъ секты палачемъ, и удавлять всякаго, ктобъ ни вздумалъ перемѣнить вѣру ихъ. Наконецъ вопіютъ въ Тулузѣ, что таково есть обыкновенно и законоученіе реформатовъ.

Толь сумазбродное толикихъ клеветъ сплетеніе, ободрило было меня:

ковъ въ Швейцаріи, въ Амстердамѣ, въ Женевѣ и проч... Наконецъ доказано уже, что *Маркъ-Антоній Каласъ* нималѣйшаго не принималъ намѣренія къ перемѣнѣ вѣры своей: слѣдовательно не было никакой и причины ко мнимому на него гнѣву отъ родителей.

ибо чемъ болѣе клеветы сїи являли въ себѣ безумїя, тѣмъ паче возлагалъ я упованїе на мудрость вашихъ судей.

Но, поистиннѣ, вострепеталъ я отъ ужаса, когда всѣ потомъ письма возвѣстили мнѣ, что начали погребенїемъ брата моего *Марка-Антонїя* въ церквѣ католической, потому единственно вымышленному подлогу, будто онъ въ самой вещи вознамѣрился перемѣнить вѣру свою. Увѣдомили еще насъ, что братство исповѣдниковъ бѣлыхъ отправило уже ему, яко мученику, торжественное служенїе, воздвигло гробницу, и постановило на ней образъ его держащїй въ рукахъ ваїю.

Дѣйствїе, каковому отъ сей стремительности и отъ сего пагубнаго умоизступленїя произойти надлежало, весьма я предчувствовалъ. Зналъ, что когда уже брата моего *Марка-Антонїя* чтутъ мученикомъ, тогда въ отцѣ моемъ, въ тебѣ, дражайшая матерь, во братѣ моемъ *Петрѣ*, и юномъ *Лавесѣ*, зрятъ токмо убїйцъ. Цѣлый мѣ-

сяцЪ провелЪ я вЪ страшномЪ недоумѣнiи, сколько ни говорилЪ себѣ вЪ мое подкрѣпленiе: „Знаю я нещастна„го брата моего, знаю, что отнюдь „не имѣлЪ онЪ намѣренiя отрещись вѣ„ры своей; знаю, что естьли бы и вос„хотѣлЪ онЪ перемѣнить ее, отецЪ „мой и мать нималобЪ не стали у„гнѣтать его совѣсти, такЪ какЪ за„благо признали они воспрiятiе като„лической вѣры и другимЪ моимЪ бра„томЪ, *ЛюдовикомЪ*, коему и опредѣ„лили они пансiонЪ: ибо нѣтЪ ничего „обыкновеннѣе вЪ семьяхЪ сихЪ облас„тей, какЪ видѣть единоутробныхЪ „братьевЪ различныя вѣры исповѣдую„щихЪ, и братняя любовь нимало тѣмЪ „не охлаждается. Блаженная терпи„мость, сiе святое и божественное „правило, кое мы тщательно исполня„емЪ, не попускаетЪ намЪ осуждать ни „кого: ибо не умѣемЪ предварять суда „о насЪ Божiя, и послѣдуя внушенiю „нашей совѣсти, отнюдь не тревожимЪ „совѣсти другихЪ.„

„Неудобь постижимо, говорилъ я паки, чтобъ отецъ мой и мать, кои во „вѣки ни съ единымъ изъ дѣтей своихъ не поступили худо, въ коихъ никогда не видывалъ я ни гнѣва, ни огорченія, и кои наконецъ во всю жизнь „свою и малѣйшія не явили суровости, вдругъ отъ обыкновенной своей „тритцати-лѣтней кротости, къ неслыханному пришли звѣрству, и собственными руками удавить могли своего первенца, въ мечтательномъ токмо страхѣ, чтобъ не перемѣнилъ онъ „вѣры, коей и перемѣнить не помышлялъ во вѣки„.

Таковыя помышленія оживляли еще духъ мой; но каждая межь тѣмъ почта въ новое погружала меня смятеніе. Стремился было я повергнуться къ матернимъ ногамъ твоимъ, и облобызать твои оковы: но друзья ваши, а мои покровители, удержали меня толь же сильными убѣжденіями, колико люта и скорбь моя.

ВЪ таковой страшной неизвѣстности проводивЪ около двухЪ мѣсяцовЪ, не возмогши ни отЪ тебя получить писемЪ, ни своихЪ кЪ тебѣ доставить, увидѣлЪ я наконецЪ представленія, вЪ оправданіе невинности сочиненныя. ВЪ сихЪ двухЪ твореніяхЪ нашелЪ я тожь самое, что ты теперь и вЪ ономЪ письмѣ своемЪ отЪ 15 Іюня возвѣщаешь: что нещастный братЪ мой *МаркЪ-Антоній* прежде его смерти ужиналЪ сЪ вами, и что никто изЪ присутствовавшихЪ при семЪ послѣднемЪ брата моего ужинѣ, не отлучался отЪ собранія прежде злощастной оной минуты, вЪ кою узрѣли плачевную его кончину (*).

(*) Весьма вѣроятно, что *МаркЪ-Антоній КаласЪ* умертвилЪ себя самЪ: ибо недовольный своимЪ состояніемЪ былЪ онЪ мраченЪ, наполненЪ желчію, и часто читывалЪ творенія касающіяся до самоубійства. *ЛавесЪ* передЪ ужиномЪ нашелЪ его вЪ глубокой задумчивости; мать примѣтила вЪ немЪ тоже. Сіи

Прости мнѣ, что возобновляю я вЪ памяти твоей страшные оные позоры: нужно сіе необходимо. Новыя наши злополучія непрестанно начертаваютЪ

слова, *я сгараю*, данныя отЪ него вЪ отвѣтЪ служанкѣ, предлагавшей ему чтобЪ онЪ погрѣлся, суть великой важности. Послѣ ужина сходитЪ онЪ вЪ низЪ одинЪ, и исполняетЪ пагубное свое намѣреніе. БратЪ его, по двухЪ уже часахЪ, провождая *Лавеса*, свидѣтель былЪ позорища. Оба они вопіютЪ, отецЪ прибѣгаетЪ кЪ нимЪ, и опускаютЪ они тѣло: сіе-то есть главнѣйшею причиною сужденія произнесеннаго противЪ нещастнаго отца! Не хотѣлЪ онЪ сказать прежде сосѣдамЪ и лекарямЪ: *СынЪ мой удавился, должно влачить его по праху улищному, должно тѣмЪ срамить мое семейство.* ИтакЪ не повѣдалЪ истину тогда токмо, когда не могЪ ее утаить: слѣдовательно родительская любовь его погубила: возмнили, что онЪ виновенЪ вЪ смерти своего сына, потому только, что не хотѣлЪ тотчасЪ обвинить его.

тебѣ минувшія; и ты не простила бы мнѣ, когдабъ я не растворилъ паки ранъ твоихъ. Ты, почтенная матерь, не можешь повѣрить, коль щастливое дѣйствіе надъ всѣмъ свѣтомъ произвело сїе доказательство, что родитель мой и ты, также братъ мой *Петръ* и г. *Лавесъ* не разставались другъ отъ друга ни на минуту, въ то время, кое прешло межъ печальнымъ онымъ ужиномъ, и взятїемъ васъ подъ стражу.

Внуши же, какимъ образомъ во всѣхъ мѣстахъ Европы, куда токмо слухъ злоключенія нашего достигнулъ, разсуждаютъ: увѣдомленный о томъ обстоятельно, должно чтобъ возвѣстилъ я и тебѣ. Говорятъ:

„Ежели *Маркъ-Антоній Каласъ* „удавленъ кѣмълибо отъ своихъ, удав„ленъ конечно всѣмъ семействомъ сово„купно, также *Лавесомъ* и самою „служанкою: ибо доказано, что все „семейство, *Лавесъ* и служанка (*),

(*) Сія служанка есть католичка, служившая въ домѣ *Каласовъ* тритцать уже

,,всегда были вмѣстѣ, вѣ чемѣ сами ,,судіи согласны, и сего ничто не можетѣ быть достовѣрнѣе. Посему или ,,всѣ узники виновны, или же ни одинѣ ,,изѣ нихѣ невиненѣ: нѣтѣ вѣ семѣ случаѣ средины. Итакѣ не естественно, ,,чтобѣ семейство всегда, даже до сего дня, незазорное, чтобѣ нѣжный ,,толь родитель, чадолюбивая мать, ,,братѣ толико любящій брата своего, ,,наконецѣ другѣ, который пріѣхавѣ ,,вѣ Тулузѣ ужиналѣ сѣ ними нечаянно, мгновенно могли воспріять, безѣ ,,всякаго разсужденія, безѣ всякой причины, намѣреніе неслыханное, содѣять чадоубійство. Толь лютое вѣ ,,таковыхѣ обстоятельствахѣ зло-

---

лѣтѣ; много споспѣшествовавшая обращенію вѣ вѣру свою одного изѣ сыновѣ Господина *Каласа*. Ея свидѣтельство есть величайшей важности. Какимѣ же образомѣ не воспріяло оно силы своей надѣ подозрѣніями лживѣйшими вѣ свѣтѣ?

„умышленіе невозможно (*), исполненi-
„ежь онаго еще паче невозможнѣе. И-
„такъ, доказательно, неопровергаемо,
„что удовлетворятъ всемѣрно за при-
„чиненное невинности озлобленіе.„

Сіи въ тяжкомъ унынiи моемъ разсужденія, нѣсколько меня подкрѣпляли. Однакожь всѣ утѣшительныя помышленія весьма были тщетны. Въ Мартѣ мѣсяцѣ достигла насъ вѣсть о лютой казни моего родителя. Письмо, кое скрыть отъ меня хотѣли, и кое исторгнулъ я, возвѣстило мнѣ то, чего я изобразить не въ силахъ, и что тебѣ многократъ всемѣрно слышать надлежало.

(*) „Въ какое бы время могъ отецъ по-
„вѣсить сына? не прежде конечно ужи-
„на, понеже ужинали вмѣстѣ; ни во вре-
„мя, ни послѣ ужина, ибо отецъ и все
„семейство были въ верху, когда сынъ
„сошелъ на низъ. Какимъ же образомъ
„отецъ, хотябъ и сильною вспомоще-
„ствованный рукою, могъ повѣсить сы-
„на, на двухъ дверныхъ створахъ ниж-

Подкрѣпижъ меня, матерь моя, подкрѣпи въ сїю минуту, въ кою пишу я къ тебѣ трепещущїй! Подай мнѣ твое великодушїе, еже равно есть страшному твоему состоянїю! Дѣти твои всѣ до единаго въ разсѣянїи; первенецъ предъ твоими умеръ очами; супругъ твой, мой отецъ, испустилъ духъ въ лютѣйшихъ мученїяхъ; вѣно твое погибло; едина токмо нищета, срамъ и поношенїе заступаютъ теперь мѣсто почтенїя и благосостоянїя: таково днесь бытїе твое! Но Богъ тебѣ покровитель: онъ еще тебя не отринулъ. Честь отца моего тебѣ драгоцѣнна; ты премогаешь ужасъ бѣдности, немощь свою, и самое посрамленїе, ради того, дабы прешедъ двѣсти миль повергнуться къ подножїю

„няго жилья, безъ сильнаго сраженїя, „и безъ страшнаго вопля? Наконецъ, „почто бы отцу и повѣсить сына сво„его ради того только, чтобы его па„ки снять? Сколько нелѣпостей въ семъ „обвиненїи!„

Монаршаго престола, и просить правосудія. Ежель услышанъ будетъ гласъ твой, всемѣрно ты получишь оное.

Возможноль чтолибо противоположить воплю и слезамъ вдовствующей матери, и убѣжденію разума? Уже доказано, что отецъ мой никогда съ тобой не разставался, и что со всѣми купно обвиняемыми пребылъ онъ неразлучно въ верхнемъ жильѣ, между тѣмъ, какъ злощастный братъ мой мертвъ уже былъ въ низу дома: сего довольно. Родителя моего осудили на крайнюю и лютѣйшую казнь; брата *Петра* другимъ приговоромъ опредѣляютъ на изгнаніе, и не смотря на сіе изгнаніе, заключаютъ его въ томъже самомъ градѣ въ Якобитскій монастырь. Ты оставлена необличенна, *Лавесъ* тожь необличенъ: итакъ, никто не понимаетъ сихъ необычайныхъ и прекословныхъ одно другому сужденій Почто мой братъ изгнанъ только, ежели онъ въ умерщвленіи брата своего виновенъ? Почто, когда уже

изгнанъ изъ Лангедока, заключенъ онъ паки въ монастырь Тулузскїй. Нимало сего не понимаютъ: всякъ ищетъ причины сихъ приговоровъ и таковаго поступка, и никто не обрѣтаетъ.

Все вѣдомое мнѣ состоитъ въ томъ, что судїи хотѣли всѣхъ обвиняемыхъ осудить на казнь по ложнымъ токмо видамъ, и погубленїемъ потомъ одного отца моего удоволились въ такомъ единственно понятїи, что сей нещастный старецъ умирая исповѣдаетъ злодѣянїе и всей семьи. Но они, какъ сказываютъ мнѣ, повержены стали въ изумленїе, когда отецъ мой, посредѣ лютыхъ ему мученїй, призывалъ Бога во свидѣтели своей и купно вашей невинности, и испустилъ духъ умоляя милосердаго сего Бога, да проститъ онъ жестокимъ судїямъ его, ибо клеветою обмануты.

Тогда-то произнесли они приговоръ даровавшїй тебѣ свободу отъ узъ; но который не возвращалъ тебѣ расхищеннаго имѣнїя, ни чести твоей,

толь недостойно поруганныя, ежели токмо честь зависитъ отъ неправосудія человѣческаго.

Не обвиняю я судей: всемѣрно не желали они по обрядамъ закона умертвить невинность; все сіе приписую клеветѣ, ложнымъ уликамъ, злостному толку, извѣтамъ невѣждества (*), слабоумной неосторожности нѣкіихъ свидѣтелей, воплю несмысленныя черни, и свирѣпствующей оной ревности, ко-

---

(*) Когда отецъ и мать погруженные въ слезахъ, бывъ около 10 часовъ вечера при сынѣ своемъ *Маркѣ-Антоніи*, уже умершемъ и даже простывшемъ, кричали, жалостные произносили вопли, и страшныя рыданія: сіи-то рыданія, сіи родительскіе вопли воображены народомъ, будтобъ то крикъ былъ самаго *Марка-Антонія*, который за два уже часа предъ тѣмъ умеръ: по сей-то ошибкѣ возмнили, будто отецъ и мать, кои оплакивали смерть своего сына, умертвили сего сына; и посему судили дѣло.

торая всегда хочетъ, чтобъ тѣ, кои мыслятъ съ нами разнообразно, причастны были и величайшимъ злодѣяніямъ.

Но всемѣрно легко тебѣ разгнать оныя мечты, кои (*) обольстили судей, впрочемъ безпристрастныхъ и просвѣщенныхъ: ибо когда уже отецъ мой осужденъ одинъ, должно чтобъ одинъ токмо содѣялъ и чадоубійство. Но какъ же могло сіе статься, чтобъ шестидесять-осмилѣтній старикъ, ко-

(*) Свидѣтель нѣкій утверждалъ, что за нѣсколько предъ тѣмъ недѣль слышали какъ *Каласъ* отецъ угрожалъ сыну своему. Какую могутъ имѣть связь угроженія родительскія съ чадоубійствомъ? *Маркъ-Антоній* провождалъ жизнь въ жедепомѣ, на биліардѣ, въ фехтовальныхъ залахъ; итакъ отецъ грозилъ ему ежели не перемѣнитъ онъ сея жизни. Толь праведное отъ родительской любви происходящее исправленіе, а можетъ быть и гнѣвъ нѣкій, доказываютъ ли злодѣяніе лютѣйшее, и самое чудовищное?

его два уже года видѣлъ я страдавша тяжкою въ ногахъ ломотою, могъ одинъ повѣсить дватцати-осмилѣтняго человѣка, коего необычайная сила и отмѣнное проворство всѣмъ извѣстны.

Естьли бы слово *нелѣпость* могло помѣщено быть среди толикихъ ужасовъ, тогдабъ одной крайности толь нелѣпаго предположенїя, и безъ всякаго другаго изслѣдованїя, довольно было ко снисканїю намъ должнаго удовлетворенїя. Какїя бездѣльныя улики, какїя неосновательныя молвы, какїе народные извѣты, могутъ противостать естественной толико уже доказанной невозможности?

Я съ моей стороны думаю такъ: невозможно, чтобъ отецъ мой, чтобъ два даже человѣка вмѣстѣ, могли удавить моего брата. Невозможно, повторяю, чтобъ мой отецъ виновенъ былъ одинъ, когда всѣ обвиняемые не отлучались отъ него ни на минуту. Итакъ, должно непремѣнно, чтобъ или

судіи обвинили неповиннаго, илиже измѣнивъ своей должности, не очистили они землю отъ четырехъ еще въ страшномъ злодѣяніи виновныхъ чудовищь.

Чемъ болѣе ощущаю къ тебѣ, дражайшая родительница, любви и почитанія, тѣмъ паче не щажу моихъ выраженій. Крайность самая подавляющаго тебя ужаса влечетъ меня къ тому, да покажу всему міру крайность твоего злощастія, и твоей добродѣтели. Ты требуешь нынѣ или себѣ смерти, или оправданія моему родителю: итакъ соединяюсь съ тобой и я; съ тобой купно прошу смерти и себѣ, ежель отецъ мой виновенъ.

Исходатайствуй едино то, чтобъ судіи издали въ свѣтъ уголовное о насъ производство: сего только желаю, сего только желаетъ свѣтъ, и въ чемъ, поистиннѣ, не можно отказать. Всѣ народы, всѣ вѣры въ томъ соучаствуютъ. Правосудіе съ покрыва-

ломъ на очахъ образуется; но должно ли оно быть безмолвно? Почтожъ, когда Европа требуетъ отчета въ толь странномъ сужденіи, почто медлятъ его дать?

Казнь злодѣямъ установлена пользы ради гражданскаго общества: и такъ обвиненія, по коимъ ихъ наказуютъ, должны быть всенародны. Не можно долговременно удержать въ скрытности того, что должно явно быть цѣлому свѣту. Когда хотятъ намъ дать нѣкія понятія о древнихъ мучителяхъ, тогда повѣдаютъ, что они жизнь и смерть опредѣляли человѣкамъ произвольно. Судіи Тулузскіе нимало не мучители; они суть служители закона; они судятъ именемъ праведнаго Государя: ежель они были обмануты, сіе потому, что человѣки суть: слѣдовательно могутъ исповѣдать и погрѣшность свою, и сами стать ходатаями о васъ у престола Монаршаго.

ИтакЪ предстань кЪ Господину Канцлеру (*), и господамЪ МинистрамЪ

(*) ГосподинЪ канцлерЪ вспомнитЪ всемѣрно сïи предшественника своего Господина *Дагессо* слова, изрѣченныя вЪ седьмомЪ-надесять его Меркурïалѣ: „Кто бы повѣрилЪ, чтобЪ первое вЪ „разумѣ впечатлѣнïе могло иногда опре„дѣлить жизнь или смерть человѣку? „Бѣдственная громада обстоятельствЪ, „о коихЪ можнобЪ сказать, что само „злощастïе потщилось ихЪ собрать „точно на погубленïе нещастнаго; тол„па нѣмыхЪ, и потому страшнѣйшихЪ „свидѣтелей, гласитЪ противЪ невин„наго; судïя тѣмЪ предупреждается, во„спламеняется его негодованïе, самая „ревность его ложными обольщается ви„дами: тако становится онЪ не столь„ко судïя, колико доноситель, зритЪ „едино только служащее кЪ обвиненïю, „и жертвуетЪ сужденïю человѣческому „того, коегобЪ могЪ спасти, естьли „бы только принималЪ единое дока„зательство закона. Непредвидѣнное

съ твердымъ надѣяніемъ. Объята боязнію ты страшишься вознести гласъ свой; но самое дѣло твое станетъ за тебя вѣщать. Не мни, чтобъ окружающіе престолъ Монаршій вподлинну толь были нечувствительны, толь жестоки и неправосудны, какъ описуютъ дворъ безстыдные нѣкіе умствователи, коимъ люди всѣхъ состояній равномѣрно невѣдомы. Государь хощетъ всегда правосудія, ибо то твердь его правленія; слѣдовательно совѣтъ его нималѣйшія не имѣетъ пользы въ

„приключеніе открываетъ иногда въ „послѣдствіи невинность задавленну тя„готою догадокъ, или вѣроподобій, и „обнажаетъ наконецъ тѣ обманчивыя „виды, коихъ ложный свѣтъ омрачилъ „разумъ судіи. Истина исходитъ то„гда отъ мрака вѣроподобій обнажен„ная, но уже весьма поздо; кровь не„виннаго требуетъ себѣ мести, вопія „на предувѣренія судіи его; и судія „на всю жизнь свою повергается въ „оплакиваніе такого нещастія, коего

томъ, чтобъ сїе правосудїе не было воздаваемо. Вѣрь мнѣ, что есть сердца, въ коихъ жалость и правота обитаютъ. Обуревающїя насъ страсти и предразсужденїя часто погашаютъ въ насъ сїи чувствованїя; но Совѣтъ Государевъ не имѣетъ конечно ни страсти въ настоящемъ семъ дѣлѣ, ни предразсужденїя, кои бы могли погасить свѣтъ его разума.

Чтожь наконецъ послѣдуетъ? уголовное о насъ производство предложеноль будетъ очамъ публики? Тогда узрятъ, должныль прекословныя оныя (*) лекарскїя донесенїя, и нѣкїя еще

„никакое уже раскаянїе поправить не „можетъ.„

(*) Самые худшїе физики утверждали, что невозможно было *Марку-Антонїю Каласу* удавиться. Но напротивъ, нѣтъ ничего возможнѣе: а то, что вподлинну невозможно, такъ невозможно было старику въ низу дома повѣсить молодаго сильнаго человѣка, въ такое время, когда сей старикъ былъ въ верху.

легкомысленныя догадки, преодолѣть доказательствы очевиднѣйшїя, каковы токмо невинность произвести долженствовала. Тогда то восплачуть о судїяхъ неустремившихъ взора своего на дѣло толикїя важности, и положившихся во всемъ на невѣждество; тогда-

---

Отецъ пришедъ на мѣсто, гдѣ сынъ былъ висящїй, хотѣлъ было перерѣзать веревку, она сама опустилась, а онъ мнилъ ее перерѣзанну. Въ семъ малозначущемъ дѣйствїи ошибся онъ предъ судїями, и судїи почли его тѣмъ виновна.

Говорятъ еще, что сей изумленный отецъ, бывъ внѣ себя, въ распросѣ своемъ сказалъ: *всѣ ужинавшїе, по выходѣ изъ за стола, перешли въ тужъ самую комнату.* Петръ пресѣкъ, ахъ отецъ мой, развѣ ты забылъ, что братъ мой *Маркъ-Антонїй* всталъ изъ за стола прежде, и сошелъ въ низъ? Да, ты правду говоришь, отвѣчалъ отецъ. *Вы разнорѣчите*, вскричали тутъ судїи; *вы виновны.* Ежели

то сами (*) судіи соединятъ гласы свои съ нашими. Да и отрекутсяль сіе было въ истинну, увы! отъ чего зависитъ человѣческая жизнь!

(*) Пусть положатъ прилику противъ приликѣ, свидѣтельство противъ свидѣтельства, вѣроятіе противъ вѣроятію; тогда адвокаты защищавшіе сторону обвиненныхъ, готовы показать невинность пожертаго. Ежели требуется только убѣжденіе, относятся они въ томъ ко всей Европѣ; ежелижъ и судебное потребно изслѣдованіе, полагаются на всѣ судилища, и на самое Тулузское, которое, придетъ конечно время, вмѣнитъ себѣ во славу, и почтетъ должностію поправить, (естьли только возможно) то нещастіе, отъ коего многіе изъ нихъ повержены уже въ ужасъ. Пусть обратятъ они очи на самихъ себя, пусть воззрятъ, какимъ теперь разсужденіемъ они управляемы. Не говорятъ ли сами себѣ: „*Маркъ-Антоній Каласъ* не могъ по„вѣсить самъ себя; итакъ повѣсили „его другіе: онъ ужиналъ съ своей

они извлечь отъ архивы своей истину? Тогда истина сія возстанетъ на нихъ съ вящшею силою.

„семьею и съ *Лавесомъ*, потому удавленъ своей семьею и *Лавесомъ*. Видѣли его разъ, или два, какъ говорятъ, въ церквѣ: слѣдовательно семейство его протестантское удавило, по правиламъ своей вѣры„. Таковы суть тѣ подозрѣнія, кои ихъ извиняютъ.

Но теперь судіи всемѣрно вѣщаютъ себѣ такъ: „*Маркъ Антоній Каласъ* „могъ самъ возложить руки на животъ „свой; невозможно по естеству, чтобъ „отецъ одинъ удавилъ его: итакъ не „долженствовалъ одинъ отецъ и погибнуть: ибо доказано намъ, что мать, „сынъ ея *Петръ*, также *Лавесъ* и служанка, кои одни только могли быть „съ отцомъ виновны, всѣ невинны суть: „понеже всѣхъ ихъ мы сами свободили: „итакъ доказано намъ, что *Каласъ* „отецъ, который не разставался съ „ними ни на минуту, невиненъ равно „какъ и они„.

ИтакЪ мужайся, почтенная матерь, во твоемЪ предпріятіи; предадимЪ тому все наше щастіе; пять человѣкЪ насЪ дѣтей безЪ пропитанія; но всѣ мы напоены честію, и предпочитаемЪ ее, какЪ и ты, самой жизни.

„Признано уже за достовѣрно, что „*МаркЪ-Антоній КаласЪ* не намѣрялся отрещись вѣры своей: посему не „возможно, чтобЪ отецЪ жертвовалЪ его „буйному бѣсносвятію. Мы ни единаго „не имѣемЪ вЪ томЪ свидѣтеля очевиднаго, да и неможно оному быть. „НѣтЪ во всемЪ дѣлѣ развѣ извѣтовЪ „отЪ слуховЪ токмо произшедшихЪ: „слѣдовательно сіи слабые извѣты нимало не могутЪ противостать объявленію *Каласову*, на колесѣ имЪ произнесенному, и удостовѣренной уже „невинности прочихЪ обвиняемыхЪ. Итак *КаласЪ* отецЪ, коего мы колесовали, невиненЪ есть: итакЪ должны мы вѣчно оплакивать учиненное „о немЪ сужденіе; и сіе не первый будетЪ примѣрЪ толь праведнаго, и „толь благороднаго раскаянія„.

Повергаясь къ матернимъ ногамъ твоимъ омываю ихъ слезами моими, и прошу твоего благословенія, пребывая тѣмъ паче съ глубочайшимъ почитаніемъ, колико злощастіе твое во мнѣ оное усугубляетъ.

Донатъ Каласъ.

Представленїе Доната Каласа во оправданїе отца своего, матери и брата.

Сїе плачевное представленїе начну я признанїемъ, что все семейство наше рождено въ нѣдрѣ вѣры негосподствующїя. Извѣстно всякому, коль оскорбительно душѣ правомыслящей оную перемѣнить. Отецъ и мать моя въ вѣрѣ предковъ своихъ пребыли непоколебимо. Станется, что родителей моихъ и меня обманули, повѣдавъ, будто вѣра сїя есть та, которую прежде и Францїя, и Германїя и Англїя исповѣдывали, когда соборъ Франкфуртскїй, созванный *Карломъ великимъ*, отринулъ иконопоклоненїе; когда *Ратрамъ* въ царствованїе *Карла Лысаго*, во многихъ мѣстахъ книги своей писалъ, приводя самого ІИСУСА ХРИСТА глаголюща: *Не мните яко во плоти ядите тѣло мое, и лїете кровь мою*; когда въ большей части церквей

пѣли сїе до нынѣ еще во многихъ книгохранительницахъ соблюденное поученїе: *Мы прїемлемъ тѣло и кровь* ІИСУСА ХРИСТА *не во плоти, но духовно.*

Хотя же потомъ понятїя о семъ таинствѣ и сдѣлались, какъ говорятъ мнѣ, вышшими, и почли за должное премѣнить церковное правленїе; многїе однакожь Епископы ни малѣйшей не дѣлали премѣны; и особливо Епископъ Туринскїй *Клавдїй* удержалъ и догматы и служенїе соборомъ Франкфуртскимъ принятые, кои онъ отъ первоначальной церкви почиталъ происходящими: тако всегда было стадо къ сему служенїю прилѣпленное. Многочислїе потомъ преодолѣло, и разлїяло на отцовъ нашихъ имена *Манихеевъ*, *Болгаровъ*, *Патариновъ*, *Лоллардовъ*, *Водесцовъ*, *Альбїоновъ*, *Гугенотовъ*, *Калвинистовъ*.

Таковы суть понятїя приобрѣтенныя вниманїемъ, каково юность моя сдѣлать мнѣ позволила. Я представ-

ляю оныя отнюдь не ради суетнаго показанія моей учености; но да потщусь токмо смягчить въ умахъ братіи нашей католиковъ ту ненависть, которая можетъ ихъ вооружать на собратію. Въ понятіяхъ моихъ можетъ быть я заблуждаюсь, но мое добродушіе нимало непреступно.

Мы великія содѣяли погрѣшности, такъ какъ и прочіе человѣки: мы послѣдовали изступленной ярости *Гвизовъ*; но мы проливали кровь свою и за *Генриха* IV. толь возлюбленнаго *Людовику* XV. Цевенскія, содѣянныя несмысленными поселянами лютости, отъ необузданнаго своеволія драгунъ произшедшія, преданы забвенію, какъ и тѣ ужасныя мерзости, кои были во Фрондѣ. Тако будучи *Людовика* XV. дѣти, мы равно какъ и прочіе подданные чтимъ его благоговѣйно, въ особѣ его любимъ общаго нашего отца, повинуемся его законамъ, съ радостію платимъ нужныя для подкрѣпленія праведныя его войны подати; чтимъ

также и духовенство Франціи, которое подобно намъ во славу себѣ вмѣняетъ подчиненнымъ быть его Монаршей и отчей власти; тѣмъ и парламенты, приемля ихъ яко защитниковъ престола и царства отъ загорныхъ покушеній. Въ таковыхъ воспитанъ я чувствованіяхъ, и симъ-то образомъ мыслитъ изъ насъ всякъ, кто токмо читать и писать умѣетъ Естьлижъ мы имѣемъ нужду о каковыхъ либо молитъ милостяхъ, въ безмолвіи нашемъ уповаемъ оныхъ всегда отъ благости изящнѣйшаго своего Монарха.

Не принадлежитъ всемѣрно человѣку юному, человѣку злополучному опредѣлять, которая изъ двухъ вѣръ есть благоугоднѣйшая Существу высочайшему: все что мнѣ вѣдомо, состоитъ въ томъ, что основаніе вѣры есть для всѣхъ благорожденныхъ сердецъ совершенно одинаково; что всѣ равномѣрно любятъ Бога, любятъ свое отечество и своего Государя.

Да возбудитъ убо страшное сїе, о коемъ я представлять хочу, приключенїе, да возбудитъ правосудїе благотворнаго сего Монарха, и его совѣта; да возбудитъ человѣколюбїе духовенства, сожалѣющаго о насъ почитая заблуждшими, и великодушное сострадание того самаго Парламента, который погрузилъ насъ въ бѣдствїе ужаснѣйшее, въ каковое токмо семейство благонравное можетъ быть низринуто.

Пять человѣкъ насъ осиротѣвшихъ нынѣ дѣтей: ибо отецъ нашъ мучительнѣйшею погибъ казнїю; а мать лишенная всякой помощи и подпоры, далече отъ насъ влачитъ горестные дни свои, моля о должномъ памяти отца моего правосудїи. Дѣло наше есть дѣло всѣхъ семействъ: ибо оно есть дѣло природы, и обращаетъ на себя очи всего царства, вѣры и самыхъ сосѣдственныхъ народовъ.

Родитель мой *Жанъ Каласъ* былъ торговецъ, сорокъ уже лѣтъ основавшїйся въ Тулузѣ. Мать Агличанка,

но по предкамъ ея происходя отъ дома *Гардъ-Монтескю*, причисляется къ знатнѣйшему Лангедокскому дворянству. Оба они воспитывали дѣтей своихъ съ нѣжностію родительскою, такъ что никто изъ насъ не пренесъ отъ нихъ не токмо удара, но ниже малѣйшаго гнѣва: можетъ быть никогда чадолюбивѣе сихъ родителей не было.

Ежелибъ надлежало еще къ свидѣтельству моему присовокупить свидѣтельствы и постороннія, я бы привелъ здѣсь многія (*).

Всѣ жившіе съ нами въ домѣ и знакомствѣ вѣдаютъ, что отецъ мой ни-

(*) Симъ свидѣтельствую предъ Всемогущимъ Богомъ, что я живъ четыре года въ Тулузѣ у Гн. и Гж. *Каласъ*, никогда не видывалъ единодушнѣе сей фамиліи, ни отца нѣжнѣйшаго, и что въ протекшіе оныe четыре года ни единожды не предались они гнѣву; что естьли я имѣю нѣкія чувствованія о чести, правотѣ и умѣренности, симъ

когда не принуждалъ насъ къ избранїю вѣры; но всегда полагался въ томъ на Бога и совѣсть нашу. Онъ толико удаленъ былъ отъ оскорбительной оной ревности, раздражающей человѣческїе умы, что всегда въ домѣ своемъ держалъ служанку католичку.

Сїя набожная служанка споспѣшествовала обращенїю въ католическую вѣру одного изъ моихъ братьевъ, именемъ *Людовика*, и послѣ сего поступка осталась паки при насъ: ибо не дѣлали ей нималѣйшихъ за то упрековъ. Нѣтъ кажется сильнѣе сего доказательства о благосердїи моихъ родителей.

Отецъ мой въ присутствїи онаго сына своего *Людовика*, предъ г. *Ла-*

долженствую полученному у нихъ воспитанїю. Женева. 5 Iюля 1762 года.

Подписано: I. Калветъ кассиръ почтъ Швейцарской, Нѣмецкой и Италїйской.

мотомъ, совѣтникомъ Парламента, объявилъ, что *толькобъ обращенїе его было чистосердечно, онъ не можетъ того не одобрить: понеже неволить совѣсть не служитъ больше ни къ чему, развѣ творить лицемѣровъ.* Сїи суть точныя слова самимъ *Людовикомъ*, братомъ моимъ, въ публичной декларацїи, во время нашего злоключенїя, вмѣщенныя.

Отецъ мой опредѣлилъ ему ежегодное по четыреста ливровъ содержанїе, и никто изъ насъ не дѣлалъ ему никогда нималѣйшїя за премѣну его укоризны. Таковъ былъ духъ кротости и согласїя, родительми нашими въ семьѣ ихъ утвержденный. Богъ благословилъ сїю семью, и мы безбѣднымъ наслаждались благомъ; имѣли друзей, и во всѣ сорокъ лѣтъ семейство наше не имѣло въ Тулузѣ ни тяжбы, ни ссоры ни съ единымъ человѣкомъ. Можетъ быть нѣкоторые купцы, завидуя благоденствїю торгующаго, различной съ ними вѣры, дома, и воз-

буждали на насъ чернь; но наша умѣренность и постоянство, казалось, долженствовали смягчить ихъ ненависть.

И се какимъ образомъ низпали мы отъ блаженнаго онаго состоянія въ ужаснѣйшее бѣдствіе Старшій братъ нашъ *Маркъ-Антоній*, источникъ всѣхъ нашихъ злоключеній, былъ нрава угрюмаго и задумчиваго. Одаренный отъ природы нѣкіими способностьми, но не возмогши достигнуть въ званіе адвоката, потому что надлежало ему католическое признать исповѣданіе, или купить на то свидѣтельство, ни остаться купцомъ, понеже былъ къ тому неспособенъ, увидѣлъ неодолимую въ пути щастія своего преграду, и глубокой предался печали. Часто видалъ я его читающа въ разныхъ творцахъ мѣста до самоубійства касающїяся, какъ-то въ *Плутархѣ*, *Сенекѣ*, *Монтанѣ*: наизусть зналъ онъ переводъ въ стихахъ славнаго и толь восхваляемаго въ Англіи монолога *Гамлетова*, и мѣста французской траго-

комедіи называемой *Сидней*. Но не думалъ, чтобъ когда либо замышлялъ онъ толь плачевныя наставленія свершить надъ собою.

Наконецъ 13 Октября 1761 года, (не былъ я тогда дома, но можно повѣрить, что весьма мнѣ извѣстно) въ сей, говорю, день, пріѣхалъ изъ Бурдо въ Тулузъ сынъ славнаго тамошняго адвоката *Лавеса*, ради свиданія съ бывшимъ тогда въ деревнѣ отцомъ своимъ. Остановясь въ Тулузѣ искалъ онъ всюду лошадей, и не нашелъ. Нечаянность привела отца и брата моего *Марка-Антонія*, друга молодому сему *Лавесу*, съ нимъ срѣтиться, и они просили его къ себѣ отужинать. Въ семь часовъ сѣли за столъ, по простому обыкновенію порядочной и занятой всегда дѣлами нашей фамиліи, которая ради того окончавала дневныя упражненія свои ранѣе, дабы наутро до солнечнаго пробуждаться восхода. Отецъ мой, мать, дѣти и другъ ихъ умѣренную вкушаютъ пи-

щу, вЪ первомЪ жильѣ. Кухня была подлѣ столовой: тажь самая католическаго исповѣданія служанка носила кушанье; все она слышала и все видѣла. Здѣсь могу я повторить одно только сказанное отЪ нещастной и почтенной моей матери: БратЪ мой *МаркЪ-Антоній* ставЪ изЪ за стола нѣсколько раньше другихЪ, проходитЪ кухню; служанка говоритЪ ему: погрѣйтесь у огня - - *АхЪ!* отвѣчалЪ онЪ, *я сгараю.* Произнесши сіи, много впрочемЪ значащія, слова, сходитЪ вЪ низЪ кЪ товарному амбару, сЪ видомЪ унылымЪ и вЪ глубокой задумчивости. ОтецЪ мой сЪ семействомЪ, и сЪ молодымЪ *Лавесомъ* спокойно продолжаютЪ разговорЪ даже до истеченія почти девяти часовЪ, ни на минуту не разставаясь. НаконецЪ г. *ЛавесЪ* отходитЪ, мать моя приказываетЪ второму сыну *Петру* зажечь свѣчу и посвѣтить гостю. СходятЪ: но какоежЪ очамЪ ихЪ зрѣлище представляется! видятЪ двери амбара от-

воренны , створы дверей нѣсколько сближены , и поверхЪ сихЪ створовЪ наложенный рычагЪ , употребляемый для связки и укладки товарныхЪ кипЪ, веревку сЪ петлею , и висящаго на ней нещастнаго брата моего вЪ рубахѣ ; волосы его не были всклочены, платье порядочно сложенное на конторномЪ лежало столѣ.

При семЪ зрѣлищѣ ужасный произносятЪ они крикЪ , вопія : о Боже , Боже ! взбѣгаютЪ паки на лѣстницу , зовутЪ отца , сЪ нимЪ купно бѣжитЪ и трепещущая мать ; но они останавляютЪ ее, умоляютЪ чтобЪ вЪ покоѣ своемЪ осталась; бѣгутЪ и кЪ судіямЪ градскимЪ. УжасомЪ объятая мать сходитЪ вЪ низЪ со служанкою ; слезы и вопль усугубляются. Чтожь было тогда дѣлать? должноль оставить тѣло сыновнее безЪ помощи? ОтецЪ объемлетЪ мертваго сына: вервь при первомЪ отцовомЪ усиленіи ослабляется , ибо при поднятіи тѣла , концы рычага свободно скользая по ство-

рамъ не были онымъ къ верху створовъ пригнѣтаемы. Мать старается влiять сыну душистыя воды; служанка вотще употребляетъ и свою помощь: братъ мой уже мертвъ. На крикъ и рыданiе моихъ родителей, чернь стекаясь окружаетъ нашъ домъ, и незнаемо какой бѣсносвятъ вообразилъ первый, что братъ мой есть мученикъ; что само его семейство, предваряя отрицанiе его отъ ереси, удавило. Другiй присовокупляетъ къ тому, что сiе отрицанiе будто бы и послѣдовать наутрiе долженствовало. Третiй говоритъ, аки бы протестантская вѣра повелѣваетъ отцамъ и матерямъ рѣзать или удавлять дѣтей своихъ, коль скоро восхотятъ они стать католиками. Инный за самую истину повѣдуетъ, будто протестанты въ послѣднемъ своемъ собранiи наименовали и палача отъ секты, что молодый оный девятнатцатилѣтнiй *Лавесъ* точно есть тотъ палачъ, и будто сей юноша, непорочность и

кротость самая, рали того только изъ Бурдо въ Тулузъ и приѣхалъ, дабы повѣсить своего друга. Вотъ народъ! Вотъ вѣрнѣйшее буйства его изображенїе!

Во время когда молва сїя отъ устъ до устъ преносилася, слышавшїе вопль брата моего *Петра* и г. *Лавеса*, и стенанїя отца и матери моей въ девять часовъ въ три четверти, не преминули утверждать, аки бы они слышали и голосъ удавленнаго моего брата, который за два уже предъ тѣмъ часа умеръ.

Къ довершенїю злополучїя, предупрежденный народнымъ онымъ воплемъ капитулъ приходитъ съ засѣдателями на мѣсто, и повелѣваетъ отнести мертвое тѣло въ градскую ратушу. Словесный обыскъ дѣланъ былъ о семъ въ ратушѣ, вмѣсто того чтобъ производить его въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ найденъ мертвый, такъ какъ сказывали мнѣ, что сїе закономъ пове-

лѣвается (*). Нѣкоторые свидѣтели сказывают еще, что сей учиненный въ градской ратушѣ обыскъ, означенъ якобы въ дому мертваго исполненнымъ; а сїе уже одно великимъ было бы доказательствомъ той злобы, которая домъ нашъ погубила. Но что въ томъ, когда судїя при первомъ приступѣ къ дѣлу, толикую учинилъ погрѣшность? мы ничьего не ищемъ обвиненїя; да и не сей одинъ безпорядокъ былъ намъ пагубенъ.

Первые оные судїи ни малѣйшаго не положивъ въ дѣлѣ семъ сомнѣнїя межь самоубїйствомъ, толь рѣдко въ сей странѣ бываемымъ, и чадоубїйствомъ, которое тысячакратно рѣже еще случается, почли оное чадоубїйствомъ. Основали сїе на мнимой премѣнѣ вѣры, которую долженствовалъ будто учинить умершїй; и по тому приходятъ осмотрѣть его письма и книги, нѣтъ ли въ нихъ какоголибо ко

(*) Уставъ 1670. Артикулъ 1, глава 4.

мнимой оной премѣнѣ доказательства? но нималѣйшаго не обрѣтаютъ.

Наконецъ лѣкарь именуемый *ла Маркъ* назначенъ для открытія желудка брата моего, и для донесенія находятсяль въ немъ остатки пищи. Извѣтъ его гласитъ, будто пища принята имъ была за четыре часа до смерти. Очевидно обманулся онъ тутъ двумя цѣлыми часами, въ намѣреніи уповательно потщеславиться точнымъ своимъ опредѣленіемъ, какое потребно время на свареніе пищи, что однакожъ сложеніе человѣка дѣлаетъ больше или меньше продолжительнымъ. Но малое сіе лѣкарево заблужденіе долженствовалоль уготовать отцу моему мучительную казнь? Тако жизнь человѣческая отъ худаго иногда зависитъ разсужденія!

Поелику нималѣйшаго не было на родителей моихъ доказательства, да и неможно было быть никакому, тотчасъ издаютъ къ народу увѣщаніе. Не изслѣдываю я здѣсь, законноль было

шаковое увѣщаніе; а скажу шокмо, чшо шѣмъ злодѣяніе было уже предположено, и домогались ошкрышія доказашельсшвъ. Предположено, чшо *Лавесъ* вызванъ изъ Бурдо съ шѣмъ шочно, дабы бышь ему палачемъ; предположено даже и созванное для избранія палача сего сборище, въ самый день прибышія *Лавесова* Окшября 13. Выдумано еще, чшо когда коголибо за вѣру удавляюшъ, повелѣваюшъ ему сшановишься на колѣна; а пошому и вопрошаюшъ, не видѣлиль нещасшнаго *Марка-Антонія Каласа*, сшоящаго на колѣнахъ предъ ошцомъ своимъ, кошорый удавилъ его въ нощное время, да и въ шакомъ мѣсшѣ, гдѣ не было свѣша.

Увѣренные, чшо брашъ мой умеръ кашоликомъ, шребовали о его кашоличесшвѣ доказашельсшвъ, хошя уже и весьма доказано, чшо онъ не премѣнялъ вѣры своей, и никогда премѣнишь ее не помышлялъ; паче же увѣренные будшо правило всѣхъ прошесшаншовъ есшь у-

давлять сыновъ своихъ, коль скоро хотя малѣйшее явится на нихъ подозрѣнїе, что хотятъ они сдѣлаться католиками, бѣсносвятство сїе простерли до того, что вся Женевская церковь обязанною себя почла разослать повсюду свидѣтельствы омерзѣнїя своего къ толь Богомерзскимъ и толь безумнымъ понятїямъ, удивляясь притомъ, что толь гнусное подозрѣнїе вмѣститься могло въ голову нашихъ судей.

Но прежде нежель явилось оное увѣщанїе, восталъ народный вопль, что братъ мой *Маркъ-Антонїй* наутрїе намѣрился войти въ братство исповѣдниковъ бѣлыхъ; а по сему капитулъ и повелѣваетъ погребсти его съ великолѣпїемъ посредъ церкви святаго Стефана. Сорокъ священниковъ и всѣ бѣлые исповѣдники его провождали.

По четырехъ потомъ дняхъ исповѣдники бѣлые торжественную учинили ему въ придѣлѣ своемъ службу.

Церковь обвѣшена была цвѣтомъ бѣлымъ; посреди оныя воздвигнуто возвышенное мѣсто, на верху коего видимъ человѣческій оставъ, данный на сей случай нѣкіимъ лѣкаремъ. Оставъ сей въ одной рукѣ держалъ хартію, на коей читали сіи слова: *отрицаніе ереси*; въ другой пальмовую вѣтвь, образованіе его мученичества.

Наутріе потомъ подобное отправили ему служеніе и Францисканы. Легко теперь можно судить, что толикое чествованіе весьма споспѣшествовало къ воспаленію умовъ народа: исповѣдники бѣлые и Францисканы, не зная и сами, произнесли отцу моему смертную казнь.

Вскорѣ потомъ взялъ къ себѣ дѣло сіе Парламентъ, и тотчасъ капитулово слѣдствіе уничтожилъ, понеже оно будучи во всѣхъ его обрядахъ незаконное, и существовать не могло: предразсужденіе однакожь существовало во всей его силѣ: всѣ ревностно вѣрующіе стремились быть свидѣтель-

ми. Одинъ изъ нихъ видѣлъ въ темнотѣ ночной, сквозь скважину воротнаго замка бѣгавшихъ людей; другой будучи внутри дома, отдаленнаго даже до край улицы, слышалъ голосъ *Каласа*, вопіявшаго, что его удавили.

Нѣкто живописецъ именемъ *Матей* сказалъ, что жена его *сказала* ему, что нѣкто именемъ *Мадриллъ сказывалъ* ей, что нѣкто незнакомый *сказалъ* ему, что онъ будучи на краю города слышалъ крикъ *Марка-Антонія Каласа*.

Но обвиняемые отецъ мой, мать, братъ *Петръ*, *Лавесъ* и служанка единодушно согласны были во всѣхъ существенныхъ дѣла сего статьяхъ. Отягченные оковами и порознь распрашиванные, всѣ они утверждали истину нимало не разнорѣча, ни въ перепросахъ, ни на очныхъ ставкахъ.

Страшное ихъ смятеніе могло подлинно поколебать ихъ память въ разсужденіи малыхъ нѣкіихъ обстоятельствъ, на кои взирали они не-

иначе какъ окомъ изумленнымъ и омраченнымъ горестнѣйшими слезами: никто однакожь изъ нихъ ни на минуту не запинался во всемъ что могло утвердить ихъ невинность. Но народный вопль, невѣждественное свидѣтельство лѣкаря *ла Марка*, и свидѣтели по слухамъ, кои учинивъ уже единожды смѣхотворныя свои донесенія, не хотѣли разнорѣчить, преодолѣли истину.

Судіи имѣя предъ очами съ одной стороны легкомысленныя оныя обвиненія, а съ другой доказанную невозможность, чтобъ отецъ будучи шестидесяти-осми лѣтъ, могъ одинъ повѣсить молодаго двадцати-осмилѣтняго человѣка, несравненно сильнѣйшаго себя, такъ какъ сіе нѣгдѣ уже и сказано, весьма убѣждены были, что таковое злодѣяніе неудобвозможно въ исполненіи; однакожь утверждали при томъ, что еще паче невозможнѣе, чтобъ мой братъ *Маркъ-Антоній Каласъ* рѣшился самъ себя лишить жизни.

Тщетно *Лавесъ* и служанка доказывали невинность отца, матери и брата моего *Петра*; *Лавесъ* и служанка, осуждены были сами: тако помощь сихъ свидѣтелей, помощь толико нужная, похищена отъ насъ вопреки разуму всѣхъ законовъ.

Ясно было, и весь свѣтъ въ томъ согласенъ, что естьли *Маркъ-Антоній Каласъ* умерщвленъ, конечно умерщвленъ всею семьею, также *Лавесомъ* и служанкою; что потому или всѣ они были невинны, или всѣ совокупно виновны, понеже доказано, что не разставались они ни на минуту ни во время, ни послѣ ужина.

Невѣдомо уже мнѣ, по какому злополучному року судіи признали отца моего преступникомъ, и какимъ образомъ обрядъ превозмогъ самую сущность дѣла. Увѣряли меня, что многіе межъ ними долговременно утверждали невинность моего отца, но уступили наконецъ большинству голосовъ. Сіе большинство признало все наше

семейство, а равномѣрно и *Лавеса* виновными. Видно по всему, что злополучнаго отца моего осудили на казнь колесованія въ такомъ понятіи, что не устоитъ онъ противъ мученій, и въ ужасахъ казни откроетъ мнимыхъ злодѣянія своего участниковъ.

Но я сказалъ уже, и не поставляю повтореніе того излишнимъ, что они повержены были въ удивленіе, зря его при смертномъ часѣ призывающа во свидѣтельство невинности своей Бога, предъ котораго стать онъ готовился. Ежели не обманулъ меня гласъ народа, два Доминиканца, именуемые *Буржъ* и *Калдагъ* приставленные къ нему ради увѣщанія при сихъ страшныхъ минутахъ, засвидѣтельствовали его благочестіе: Они видѣли его прощающа судіямъ своимъ, и сожалѣющаго о нихъ, и что наконецъ желалибъ они самимъ себѣ грядущей смерти съ толь-же благоговѣйными и толь поразительными чувствованіями.

Вскорѣ потомъ судiи принуждены были свободить отъ оковъ мать мою, *Лавеса* и служанку; изгнали брата моего *Петра*; и я слѣдуя всегда гласу народному, говаривалъ, почтожь его изгонять, естьли онъ невиненъ? или почто единымъ ограничиваться изгнанiемъ, когда виновенъ?

Непрестанно также вопрошалъ я, почто выпроводили его изъ города въ одни ворота, даруя ему свободу, и тотчасъ принудя паки войти въ городъ другими воротами? Почто онъ заключенъ еще былъ цѣлые три мѣсяца въ монастырѣ Доминикановъ? Или желали вмѣсто изгнанiя обратить его въ вѣру господствующую? или хотѣли возвратъ его купить цѣною отступленiя отъ вѣры отцовъ его? Наказывалиль его тѣмъ, или являли ему милосердiе по произволу? Но страшная оная отцу его казнь могла ли быть средствомъ убѣжденiя его совѣсти?

Мать моя послѣ ужаснаго сего злоключенiя, великодушно оставивъ

свое приданое и все имущество, поѣхала въ Парижъ безъ всякой другой помощи, кромѣ своей добродѣтели, молить Государево правосудіе; да и дерзаетъ уповать, что Совѣтъ Его Величества возмется представить Ему учиненное въ Тулузѣ судопроизводство. Кто знаетъ, что подвигнутые веледушнымъ матери моей поступкомъ судіи не проникнутъ очевиднѣе невинность, примѣченную уже самими ее осудившими. Не узрятъ ли они, что женщина безпомощная всемѣрно не дерзнетъ просить о пересматриваніи судопроизводства, ежелибъ мужъ ея дѣйствительно былъ преступникъ? Преѣхалаль бы она двѣсти миль ради того, дабы искать себѣ смерти, когдабъ оныя была достойна. Итакъ злодѣяніе, въ которомъ отца моего обвинили, не существуетъ конечно въ природѣ человѣческой; и я произношу еще съ ужасомъ, что естьлибъ отецъ мой виновенъ былъ въ чадоубійствѣ, тогда мать и братъ мой

Петръ Каласъ виновны былибъ равно; *Лавесъ* и служанка всемѣрнобъ въ злодѣянїи семъ соучаствовали: моглаль же бы мать моя предпрїять путь ради того, дабы всѣхъ ихъ, и саму себя, подвергнуть смертной казни.

Итакъ симъ объявляю, что я мню единодушно съ моею матерїю, что съ нею купно подвергаюсь и смерти, ежели отецъ мой дерзнувъ противъ Бога, противъ природы, противъ Царства и вѣры, сотворилъ взведенное на него злодѣянїе.

Тако симъ моимъ писанїемъ, въ обрядѣль закона сочиненнымъ, или нѣтъ, но во всенародное извѣстїе издаваемымъ, и рукою моею утвержденнымъ, приобщаюсь я къ добродѣтельной моей матери. Стряпчїе, кои примутъ на себя трудъ оную защищать, ясно покажутъ ничтожность судопроизводства; покажутъ, что *Лавесъ* и служанка, хотя обвинены, свидѣтели были нужные, и неповинность отца моего свидѣтельствовали неопро-

вергаемо. Они обнаружатъ ясно то слабое основанiе, по каковому судiи полагали, будто шестидесятъ-осьми-лѣтнiй старецъ, который страдалъ ктому и ногами, могъ повѣсить одинъ собственнаго своего сына, человѣка весьма сильнаго, и докажутъ совершенную въ исполненiи сего невозможность.

Они положатъ на вѣсы съ одной страны физическую оную невозможность, а съ другой молву народную: они взвѣсятъ достовѣрность, и въ тонкость разберутъ свидѣтельства по слухамъ.

Пусть умолчатъ о всѣхъ тѣхъ старанiяхъ, кои мы три цѣлые мѣсяца на испрошенiе только списка съ судопроизводства употребили, и о тѣхъ еще отказахъ, каковы намъ въ томъ дѣланы. Почтенная публика и Совѣтъ не обымутся ль негодованiемъ и жалостiю, когда услышатъ, что прокуроръ требовалъ съ насъ двухъ сотъ люйдоровъ; съ насъ, съ семьи поверженной въ ни-

щету, за то одно, дабы имѣть намъ оное судопроизводство образомъ непозволеннымъ.

Не прошу я себѣ прощенія отъ судей, что возношу гласъ мой противу ихъ приговора: всемѣрно простятъ они то сыновнему благоговѣнію. Сами они крайнемубъ предали меня презрѣнію, когдабъ я поступилъ противнымъ сему образомъ; и можетъ быть нѣкоторые изъ нихъ сіе представленіе мое омочатъ горькими слезами.

Сіе ужасное приключеніе влечетъ къ себѣ вниманіе всѣхъ вѣръ, всѣхъ народовъ: ибо весьма важно есть для государства знать, съ коея страны наиболѣе опасно бѣсносвятство. Я трепещу отъ единаго о томъ и помышленія, и многіе чувствительные читатели подобно мнѣ отъ ужаса содрогнутся.

Единъ теперь обитая въ пустынѣ, лишенный всякаго совѣта, подпоры, утѣшенія, вѣщаю я къ господину канцлеру и ко всему Совѣту Государствен-

ному, что ежель сїе повергаемое мною къ стопамъ вашимъ прошенїе необыкновеннаго есть образа: сотворите, да вашею властїю, вашимъ правосудїемъ станетъ оно въ обрядѣ законномъ. Не имѣйте сожалѣнїя о семьѣ моей, едину токмо явите истину. Пусть Тулузскїй Парламентъ безъ опасенїя обнародуетъ судебное дѣла сего производство: требуетъ того Европа; естьлижъ онъ его не выпуститъ, увидитъ ясно, что такое Европа о немъ самомъ опредѣляетъ.

22 Іюля 1762 года. Подписано тако: Донатъ Каласъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ
ПЕТРА КАЛАСА.

Пріѣхавъ къ брату моему *Донату Каласу*, дабы съ нимъ вкупѣ оплакивать наше злополучіе, нашелъ я въ рукахъ его представленіе, которое только что докончалъ онъ въ оправданіе нещастной нашей семьи. Приобщаясь потому къ матери моей, и къ нему брату, готовъ я свидѣтельствовать истину всего въ представленіи ономъ писаннаго; подтверждаю все повѣданное матеріею моею; и великодушнымъ примѣромъ ея паче ободренный, съ нею купно прошу смерти и себѣ, ежели отецъ мой былъ преступникъ.

Свидѣтельствую, и обѣщаюсь свидѣтельствовать по обряду законному, слѣдующее:

Молодый, девятнатцати-лѣтній *Гоберъ Лавесъ*, юноша нрава кроткаго, и воспитанный отцомъ его, зна-

менитымЪ адвокатомЪ, вЪ добродѣтели, былЪ другЪ брата моего *Марка-Антонія*, который упражнявшись вЪ наукахЪ, тщился вступить вЪ адвокаты. *Лавесъ* ужиналЪ сЪ нами 13 Октября 1761 года, какЪ уже о семЪ сказано. ПослѢ ужина, предЪ тѢмЪ самымЪ временемЪ, какЪ г. *Лавесъ* хотѢлЪ прощаться, я вздремалЪ; но мать моя разбудивЪ меня тогда приказала, чтобЪ я посвѢтилЪ сему нашему пріятелю.

ВсякЪ можетЪ судить, коль вЪ ужасное поверженЪ былЪ я изумленіе, когда увидѢлЪ брата моего вЪ рубахѢ висящаго на двухЪ дверныхЪ створахЪ, внутрь товарнаго амбара отворенныхЪ. Произнося страшный крикЪ, зову я отца моего, который сходитЪ смятенный, беретЪ кЪ себѢ нещастнаго сына на руки, и сдвигая со створовЪ рычагЪ сЪ веревкою, на коей онЪ висѢлЪ, развязываетЪ петлю, и отЪемлетЪ ее отЪ шеи: трепещетЪ, рыдаетЪ, вопіетЪ во время плачевнаго сего дѢй-

ствія. Бѣги, говоритъ мнѣ, Бога ради, бѣги къ лекарю *Камоару*, сосѣду нашему; можетъ быть бѣдный мой сынъ не совсѣмъ еще умеръ.

Тотчасъ побѣжалъ я къ лекарю, но нашедъ только подлекаря его *Горса*, привелъ онаго въ домъ нашъ. Отецъ былъ тогда межь матерью моею, и сосѣдомъ нашимъ *Деллешемъ*, сыномъ одного католическаго купца, который съ ними вмѣстѣ плакалъ. Мать тщетно старалась вливать въ гортань брату моему душистыя воды, и тереть его виски. Подлекарь *Горсъ* щупаетъ пулсъ, сердце, и находитъ его мертва, и уже охладѣвша; снимаетъ съ шеи его черной тафты повязку, и усматривая на шеи втиснившіесь веревочные знаки, говоритъ, что онъ удавленъ.

Рубаха на немъ не была и помята, волосы по обыкновенію убраны, и платье его видѣлъ я порядочно сложенное на конторномъ столѣ. Хотѣлъ было я бѣжать къ кому нибудь ради

совѣта; но отецъ въ безмѣрной своей скорби говоритъ мнѣ, пожалуй не разглашай, что братъ твой удавился: сохрани хотя честь нещастной семьи твоей. Будучи внѣ себя побѣжалъ я къ господину *Касейнгу*, прїятелю нашему, купцу жившему на биржѣ, привелъ его въ домъ, и онъ совѣтовалъ увѣдомить о семъ тотчасъ Расправу уголовную. Посему бѣгу я къ господину *Клозаду*, человѣку приказному; *Лавесъ* бѣжитъ къ капитулову регистратору, и къ засѣдателю господину *Монье*. Скоро потомъ возвратился я къ отцу, а между тѣмъ *Лавесъ* и *Клозадъ* разбудили засѣдателя, который уже спалъ, и всѣ вмѣстѣ идутъ возвѣстить самого капитула о приключенїи.

Капитулъ пошелъ уже, по крику народному, въ домъ нашъ. Входитъ съ сорока человѣками солдатъ; я тогда былъ въ низу, ради его встрѣчи, и онъ повелѣваетъ взять меня подъ стражу.

Въ сїю самую минуту приходитъ засѣдатель съ господиномъ *Клозадомъ*

и *Лавесомъ.* Солдаты не хотѣли впустить *Лавеса,* и отталкивали его отъ дому, такъ что по многомъ уже шумѣ и упорствѣ объявляя, что онъ (*Лавесъ*) ужиналъ съ фамиліею, получилъ отъ капитула приказъ, по коему его впустили.

Кто только хотя малѣйшее ощутитъ въ себѣ познаніе человѣческаго сердца, тотъ по всѣмъ симъ поступкамъ увидитъ ясно, колика была невинность наша: да и какимъ образомъ возможно было въ ней усомниться? Найдется ль гдѣ въ лѣтописяхъ міра и злодѣяній человѣческихъ хотя одинъ примѣръ подобнаго чадоубійства, содѣяннаго безъ всякаго умысла, безъ всякой корысти, безъ всякой причины?

Капитулъ потребовалъ къ себѣ доктора господина *ла Гура,* и лекарей *ла Марка* и *Перронета,* кои осматривали мертваго при моихъ глазахъ; искали на тѣлѣ его знаковъ убійственныхъ, и не нашли нималѣйшаго. Веревки они не осматривали; но только

втай невѣдомо что внушили устно капитулу, и послѣ того всѣхъ насъ отвели въ градскую ратушу, именно: отца моего, мать, господина *Лавеса*, прïятеля нашего г. *Касейнга*, служанку и меня; взявъ притомъ мертваго, и его платье, отнесли тоже въ ратушу.

Хотѣлъ было я оставить свѣчу въ низу, при входѣ въ домъ зажженную, дабы найти свѣтъ и по возвращенïи нашемъ изъ ратуши. Таково было мое, да и отца моего безопасïе, что мы уповая себя веденныхъ въ ратушу ради засвидѣтельствованïя токмо истины, ласкались возвратиться домой даже ночевать; но капитулъ смѣясь простотѣ моей, велѣлъ свѣчу погасить, и сказалъ, что мы не такъ скоро возвратимся. Отецъ мой и я посаждены были въ тюрму темную, мать въ освѣщенную, и съ нею вмѣстѣ заключенъ *Лавесъ*, *Касейнгъ* и служанка. Словесный обыскъ капитуловъ, и обыскъ доктора и лекарей, сочиняемы

были на другой уже день поутру въ ратушѣ.

Касейнгъ, который съ нами не ужиналъ, скоро свобожденъ, но мы всѣ прочїе присуждены къ допросамъ, и 18 Ноября заключены въ оковы. На сїе принесли мы жалобу въ Парламентъ, который тотчасъ уничтожилъ капитуловъ приговоръ, во многихъ его статьяхъ безпорядочный, и продолжалъ судопроизводство самъ.

Болѣе пятидесяти разъ я распрашиванъ. Вопрошаемый, намѣрялся ли *Маркъ-Антонїй* принять вѣру католическую, отвѣчалъ я, что всегда увѣренъ я былъ въ противномъ; но какъ человѣкъ упражнявшїйся въ наукахъ, и любитель музыки, иногда хаживалъ онъ слушать тѣхъ слова БОЖIЯ проповѣдниковъ, коихъ мнилъ быть красноречивыхъ, и музыку, когда случалась хорошая. Да и какая мнѣ была нужда, о милосердый БОЖЕ! что братъ мой *Маркъ-Антонїй* католикъ ли бы былъ, или реформатъ? мень-

ше ли чрезъ то живу я въ согласіи съ братомъ моимъ *Людовикомъ*, что ходитъ онъ къ обѣднѣ? не обѣдывалъ ли я съ нимъ вмѣстѣ? не обходилсяль часто съ католиками? жалуется ли кто въ томъ на отца моего, и на меня? не внялъ ли я поученію славнаго онаго епископа Соасонскаго, что *должно почитать и Турокъ яко нашу братію?* почтожь бы поступилъ я съ братомъ моимъ какъ съ лютымъ звѣремъ? Какая мысль! какое безумiе!

Часто бывалъ я на очной ставкѣ съ отцомъ моимъ, который узрѣвая меня обливался слезами, и тяжкія произносилъ рыданія. Крайность его злополучій разстрояла иногда память его: помоги мнѣ, вопіялъ онъ, и я поставлялъ его паки на стезю ведущую къ неважнымъ нѣкіимъ случаямъ; напримѣръ: проговорился онъ, что изъ за стола вышли мы всѣ вмѣстѣ. Ахъ! отецъ мой, вскричалъ я, развѣ ты забылъ, что братъ вышелъ нѣсколько прежде насъ? Да, ты правду говоришь,

сказалъ онъ, прости мнѣ, я въ смятеніи.

Болѣе нежель съ пятьюдесять свидѣтельми былъ я на очной ставкѣ. Сердце человѣческое смятется отъ жалости, когда узритъ, какіе то были свидѣтели и свидѣтельствы. Мальчикъ, ученикъ позументный, называемый *Поли*, въ близь сосѣднемъ отъ насъ домѣ слышавъ тотъ крикъ, который произносилъ я при видѣ мертваго брата, вообразилъ себѣ будто онъ слышалъ крикъ самаго моего брата; одна глупенькая служанка слышавъ меня вопіющаго, *Ахъ Боже мой!* возмнила что я кричу *воры*, *воры*: Таковы-то свидѣтельствованы слухи, и по слухамъ сумазброднѣйшимъ. Прочее все не заключало въ себѣ болѣе какъ только подобныя сему бредни.

Дѣвица *Пейронета* свидѣтельствовала, что она видѣла меня на улицѣ 13 Октября въ десять часовъ вечера, *бѣгающаго съ платкомъ въ рукахъ, и отирающаго слезы, говоря, что мой*

братъ заколотъ шпагой. Не говорилъ я того; а естьли бы сказалъ, весьмабъ сдѣлалъ хорошо, ради сохраненія тѣмъ чести любезнаго мнѣ брата; но судіи не устремилиль вниманіе свое паче на лживую свидѣтельства сего сторону, нежель на страну исполненную истины, которую вѣщали смятеніе мое и горькіе слезы? И сіи слезы не изьяснялись ли необоримо противо всѣхъ ничтожныхъ оныхъ обвиненій, подъ коими непорочнѣйшая невинность задавленна пала? Станется, что отецъ недовольный старшимъ моимъ братомъ, который все время свое и деньги тратилъ только на биліардѣ, и говорилъ ему, что ежели ты не перемѣнишься, я тебя накажу: или изгоню изъ дому, или ты самъ исчезнешь, погибнешь. Но надлежалоль, чтобъ свидѣтель, буйный бѣсносвятъ, симъ родительскимъ словамъ, толь чудовищный далъ толкъ, чтобъ слова, *ежели ты не перемѣнишъ поведенія*, такъ злостно претворилъ онъ въ сіи

слова, *ежели ты перемѣнишь вѣру*? Надлежалоль, чтобъ судїи межъ свидѣтелемъ единственнымъ, и межъ отцомъ обвиняемымъ, рѣшились въ пользу клеветы противъ природы?

Не было противо насъ ни единаго свидѣтеля основательнаго, такъ что всякъ усмотрѣлъ бы то очевидно, прочтя словесный оный обыскъ, естьлибъ только возможно было исторгнуть его отъ рукъ Архиварїуса, которому накрѣпко запрещено не сообщать онаго никому.

Все прочее согласно точно съ тѣмъ, что мать моя и братъ *Донатъ Каласъ* писали. Никогда невинность не была доказаннѣе. Изъ двухъ присутствовавшихъ при казни отца моего Якобитовъ, одинъ пришедшїй изъ Кастра, торжественно сказалъ: *Онъ умеръ праведенъ*. Почемужъ, говорятъ мнѣ, отецъ твой осужденъ былъ? Скажу я и сїе, и конечно приведу всѣхъ въ удивленїе.

Капитулъ, засѣдатель г. *Монге*, прокуроръ и стряпчїй королевскїе, по

нѣсколькихъ дняхъ послѣ взятія насъ подъ стражу, пришли съ однимъ искусникомъ въ домъ, гдѣ братъ мой *Маркъ-Антоній* найденъ мертвъ: ктожь оный искусникъ? повѣрятъ ли? то былъ палачь. Вопрошали его, могъ ли человѣкъ удавиться на двухъ дверныхъ створахъ товарнаго амбара, гдѣ я нашелъ брата моего? Сей гнусный человѣкъ, который одно только и зналъ отправлять оное ремесло, о коемъ его вопрошали, отвѣчалъ, будто бы то неудобьвозможно; что, однакожь, дѣло было естественное. Увы! и малознающій человѣкъ могъ бы увидѣть, что то очень легкое было дѣло къ исполненію; и *Лавесъ*, коегобъ можно спросить купно со мною, ясный видѣлъ тому опытъ своими глазами.

Лекарь ла *Маркъ*, призванный ради осмотра мертваго, можетъ быть и сердитъ былъ на меня за то, что какъ онъ въ семъ судебномъ своемъ донесеніи толковалъ нѣчто очень криво, я

показалъ ему вранье его. Такимъ-то образомъ отецъ мой жертвованъ невѣждеству и купно предразсужденію; надлежало всемѣрно, чтобъ судіи всѣ были единогласны: но здѣсь большинство только голосовъ преодолѣло.

По страшномъ отца моего вершеніи, судіи велѣли мнѣ предстать къ себѣ, и одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ сіи слова: *Мы отца твоего осудили, берегись, естьли и ты не признаешься.* Боже милосердый! чтожь могу я исповѣдать кромѣ того, что люди обманутые проліяли кровь неповиннаго.

По нѣкіихъ потомъ дняхъ отецъ *Буржъ*, одинъ изъ тѣхъ Якобитовъ, кои приставлены были къ отцу моему во свидѣтели казни и послѣдняго его исповѣданія, приходитъ въ мою темницу, и угрожаетъ мнѣ тоюжъ самою смертію, естьли я не отрекусь вѣры моей. Станется, что во времена оныхъ гоненій, о коихъ намъ съ толикимъ усугубленіемъ повѣствуютъ, Проконсулъ Римскій во своей только без-

предѣльной власти, могъ бы такимъ образомъ изъясняться. Признаюсь имѣлъ слабость уступить ужасу страшнаго мученія.

Наконецъ приходятъ обьявить мнѣ приговоръ о моемъ изгнаніи, приговоръ четыре дни лежавшій подъ сукномъ неподписанный. Какой безпорядокъ! какая безъизвѣстность! Рука судіи потряслась отъ подписанія такого приговора, какъ сей, по подписаніи уже смерти отцу моему. Регистраторъ темничный двѣ только строки прочелъ о мнѣ изъ приговора.

Чтожь касается до того приговора, который добродѣтельнаго отца моего мучительнѣйшей предалъ казни, никогда я его не видѣлъ, никогда не былъ онъ и извѣстенъ: тайна то непроницаемая. Сіи сужденія установлены ради публики; нѣкогда отсылались таковыя къ Королю, и безъ его одобренія не исполнялись: такъ поступается еще и нынѣ въ большей части Европы. Но что до приговора осудившаго отца моего, сей, да осмѣ-

люсь сказать, столько же потщились скрыть отъ проницанія человѣческаго, сколько злодѣи самые обыкновенно тщатся скрыть свои злодѣянія.

Судъ о мнѣ собственно учиненный, меня удивляетъ, такъ какъ удивляетъ онъ и весь свѣтъ: ибо, ежели нещастный мой братъ кѣмъ либо могъ умерщвленъ быть, не могъ всемѣрно умерщвленъ быть развѣ мною и *Лавесомъ*; но не слабымъ старикомъ. И такъ на мнѣ бъ страшная оная казнь свершиться долженствовала: ибо всякому очевидно, что нѣтъ тутъ средины межь чадоубійствомъ и невинностію.

Тотчасъ потомъ выведенъ я изъ воротъ градскихъ; одинъ Аббатъ провождалъ меня, и въ минуту послѣ ввелъ въ Якобитскій монастырь; отецъ *Буржъ*, ожидавшій уже меня у воротъ онаго, сказалъ, что о изгнаніи моемъ нимало и помышлять не будутъ, естьли только я исповѣдую Римскій Католическій законъ; и четыре потомъ мѣсяца принудилъ меня прожить въ

семЪ монастырѣ, гдѣ я подЪ крѣпкою содержался стражею.

НаконецЪ ушелЪ я изЪ сей темницы, и всечасно готовЪ заключиться паки тамо, гдѣ только благоугодно будетЪ Государю повелѣть меня повергнуть, и располагать пролитіемЪ крови моей, за честь моего отца и матери.

Слѣпое предразсужденіе насЪ погубило; просвѣщенный разумЪ о насЪ днесь сожалѣетЪ. Публика, сей судія чести и поношенія, возстановитЪ всемѣрно память моего родителя; СовѣтЪ ГосударевЪ подтвердитЪ приговорЪ публики, естьли только удостоитЪ онЪ воззрѣть на дѣло. Не о такомЪ говорю я здѣсь дѣлѣ, каковы обыкновенно, какЪ недостойныя обнародованія, вЪ прахѣ архивномЪ оставляютЪ; но я чувствую, что весьма нужно роду человѣческому возвѣщенну быть даже до малѣйшихЪ дробностей всего того, что произвело бѣсносвятство, ненавистная оная человѣчеству язва.

ШателенЪ. 23 Іюля 1762 года.

Подписано: ПетрЪ КаласЪ.

ИСТОРІЯ
о
КАЛАСАХЪ.

Сїе смѣшное приключенїе сдѣлалось бы весьма плачевнымъ, естьли бы не случился одинъ философъ, который нечаянно читавъ публичныя извѣстїя, отвратилъ слѣдствїя онаго благоразумными доказательствами (*). О когдабъ благоугодно было БОГУ, чтобъ и во дни судопроизводства не меньше страннаго, и тысяча кратъ ужаснѣйшаго, въ Тулузѣ, посредѣ толикаго множества исповѣдниковъ бѣлыхъ, нашелся также хотя одинъ философъ! Не соболѣзновали бы днесь о крови неповинной, кою предразсужденїе пролїяло.

(*) Въ сихъ строкахъ авторъ о смѣшномъ говоритъ приключенїи и о философѣ случившихся въ Англїи, именно о дѣвицѣ *Канингъ*, и о философѣ *Рамзаѣ*, о чемъ писалъ онъ непосредственно предъ сею исторїею.

ВЪ Тулузѣ однакожъ былЪ мужЪ просвѣщенный, который вознесЪ гласЪ противЪ необузданныя черни, и противо судей предразсужденіемЪ уловленныхЪ. Сей мудрый мужЪ, коего благословить должно во вѣки, былЪ г. де *ла Саль*, совѣтникЪ Парламента, долженствовавшій быть и судіею.

Во первыхЪ изобразилЪ онЪ законопротивное изданіе кЪ народу увѣта; велегласно осуждалЪ потомЪ стремительность, сЪ каковою трикраты торжественное воздано служеніе человѣку, коегобЪ всемѣрно по праху улицному влачить надлежало; наконецЪ обЪявилЪ, что не подобало погребать вЪ образѣ католика, и причитать вЪ мученики мертвеца, который, по всѣмЪ видамЪ, самЪ удавился, и который вѣрно не былЪ католикЪ. Извѣстно было свидѣтельство г. *Шальє* адвоката Парламентскаго, что *МаркЪ-Антоній КаласЪ*, (о коемЪ предположено, будтобЪ онЪ вознамѣрился нау́тріе отрещись вѣры своей,) напро-

тивъ намѣренъ былъ ѣхать въ Женеву, и домогаться стать пасторомъ церкви протестантской.

Г. *Касейнгъ* въ рукахъ своихъ имѣлъ письмо сего самого *Марка-Антонія*, въ которомъ онъ брата своего *Людовика*, ставшаго католикомъ, бѣглецомъ нарицаетъ: *Нашъ бѣглецъ*, говоритъ онъ въ семъ письмѣ, *беспокоитъ насъ.* Священникъ церкви святаго Стефана торжественно обьявилъ, что *Маркъ-Антоній Каласъ* приходилъ къ нему, и просилъ себѣ свидѣтельства о православіи, и что онъ священникъ, не хотя нарушить должности своей, не далъ сего о католичествѣ свидѣтельства протестанту.

Г. совѣтникъ де *ла Салъ* всѣ сіи доказательства принялъ въ надлежащее уваженіе; наипаче же присовокупилъ къ тому, что по гласу законовъ Государственныхъ, и самыхъ законовъ Римскихъ, коимъ слѣдуютъ еще въ Лангедокѣ, *нѣтъ тутъ ни прилики, ни подозрѣнія сходственна-*

го съ правами, кои бы могли почесть отца виновнымъ въ смерти своего сына, и колебать то естественное и священное мнѣнїе, кое поставляетъ отцовъ внѣ всякаго подозрѣнїя въ убїйствѣ чадъ своихъ.

Наконецъ сей достойный судїя доказалъ, что молодый *Лавесъ,* непричастный совсѣмъ страшнаго онаго приключенїя, и служанка католичка, которая не могла быть и обвиняема во мнимомъ *Марка-Антонїя Каласа* убїйствѣ, долженствовали почтены быть свидѣтельми, и ихъ преиужное свидѣтельство не должно отъято быть отъ обвиняемыхъ.

Основанный на толь неодолимыхъ доводахъ, и пронзенный праведною жалостїю г. де *ла Саль* говорилъ о томъ съ толикимъ ревнїемъ, каковое токмо удобны внушить убѣжденїе разума и благосердїе. Одинъ изъ судей сказалъ ему: *Ахъ! государь мой, ты самый Каласъ. -- Ахъ! госу-*

дарь мой, пресѣкъ де *ла Саль*, *ты сущая чернь народа.*

Весьма прискорбно, что сїе оказанное имъ благородное рвенїе, послужило къ нещастїю фамилїи, коей правота его хотѣла подать защиту; ибо воставъ толь необиновенно и всенародно, наконецъ по излишней разборчивости отрекся отъ сужденїя; и *Каласы* лишились судїи просвѣщеннаго, который всемѣрно могъ бы просвѣтить и другихъ.

Г. *ла Бордъ*, который напротивъ взялъ сторону народнаго предразсужденїя, и который толикую оказалъ ревность, кою и самъ призналъ непомѣрною, сей г. *ла Бордъ* отрекшїйся также отъ сужденїя, и уже уклоньшїйся въ деревню близь Алби, возвращается однакожь ради осужденїя домоотца на колесованїе.

Не было, какъ уже сказано, и скажутъ то всегда, никакого противъ нещастной сей фамилїи доказательства; однакожь на единыхъ только

видахъ основались. Какіежъ то виды! разумъ человѣческій стыдомъ покрывается.

Г. *Давидъ*, Тулузскій капитулъ, совѣтуетъ съ палачемъ, какимъ образомъ *Маркъ-Антоній* могъ быть повѣшенъ; и сіе-то палачево мнѣніе устроило приговоръ, въ пренебреженіе мнѣній всѣхъ адвокатовъ.

Когда приступили ко мнѣніямъ, докладчикъ предлагалъ только о *Каласѣ* отцѣ, и мнѣніе его было:,, чтобъ сего ,,отца (невиннаго), осудить во пер-,,выхъ на пытку обыкновенную и чрез-,,вычайную, ради открытія его сообщни-,,ковъ, переломать ему руки и ноги на ,,колесѣ, оставить его наономъ из-,,дыхать два часа, и послѣ тѣло ,,жжечь,,.

Къ сему мнѣнію пристали шесть судей; изъ прочихъ трое присуждали только къ пыткѣ, двое дали голосъ, чтобъ удостовѣриться на мѣстѣ, возможноль было то, чтобъ *Маркъ-Антоній Каласъ* могъ самъ удавиться;

одинъ только подалъ мнѣніе свободить *Жана Каласа* яко необличеннаго.

Наконецъ по долгомъ межъ собой состязаніи, большинство голосовъ преклонилось на пытку обыкновенную и чрезвычайную, и къ колесованію.

Тако нещастный сей домоотецъ, во вѣки неимѣвшій ни съ кѣмъ вражды, не оскорбившій никогда ни единаго изъ дѣтей своихъ нималѣйшимъ ударомъ, сей слабый шестидесять-осмилѣтній старецъ, на ужаснѣйшую осужденъ казнь, за то что удавилъ онъ и повѣсилъ немощными своими руками, по ненависти къ вѣрѣ католической, сына мощнаго и неустрашимаго, который не больше имѣлъ склонности къ сей католической вѣрѣ какъ и самъ отецъ его.

Распрашиванный потомъ, посредѣ всѣхъ ужасовъ пытки, о его сообщникахъ, сими точно отвѣчалъ онъ словами: *Увы! гдѣ нѣтъ нималѣйшаго злодѣянія, можно ли тамъ быть сообщникамъ?*

Веденнаго наконецъ изъ застѣнка на мѣсто казни, тоже спокойствїе души тамо его провождало. Всѣ сограждане зря его везома на смертоносной оной колесницѣ, повержены были въ жалость; самая чернь, уже образумившаясь съ нѣкоего предъ тѣмъ времени отъ своего бѣснословства, проливала о его злополучїи искреннїя слезы. Предсѣдавшїй при вершенїи его приставъ сдѣлалъ ему последнее увѣщанїе, и тѣжь самые получилъ отъ него отвѣты. Отецъ *Буржъ*, Якобитскїй монахъ, профессоръ Богословїи, который вкупѣ съ отцомъ *Калдагомъ*, монахомъ тогожь чина, приставленъ былъ ради приготовленїя его къ смерти, и паче ради убѣжденїя, дабы не утаилъ онъ нималѣйшїя истины, нашелъ его совсѣмъ расположенна принести жизнь въ жертву БОГУ для заглажденїя грѣховъ своихъ; но поелику изъявлялъ онъ благоговѣинство къ судьбамъ вѣчнаго провидѣнїя, потолику пребылъ неколебимъ въ защищенїи не-

винности своей, и невинности самыхъ предубѣжденныхъ.

Единожды токмо, и весьма умѣренный исторгся отъ него крикъ, при первомъ нанесенномъ ему ударѣ; прочїе не извлекли уже отъ него ни малѣйшей жалобы. Поверженный потомъ на колесо, ради ожиданїя тамо минуты, долженствовавшей скончать его мученїя и жизнь, продолжалъ онъ разговоръ наполненный Христїянскаго чувствованїя; нималѣйшимъ не воспалился гнѣвомъ на судей своихъ; любовь его къ ближнему внушила ему изрещи, что не возлагаетъ онъ на нихъ вины смерти своей, и что всемѣрно обмануты они ложными свидѣтельми. Наконецъ, когда уже узрѣлъ онъ ту минуту, въ которую палачь готовился свободить его отъ мукъ сихъ, послѣднїя его къ отцу *Буржу* слова были слѣдующїя: „
„Я умираю невиненъ; IИСУСЪ ХРИС-
„ТОСЪ, иже былъ невинность самая,
„благоволилъ умереть смертїю паче
„лютѣйшею. Нимало не сожалѣю я о

„жизни, коея конецъ приближается, „ибо уповаю достигнуть блаженства „вѣчнаго. Сожалѣю токмо о женѣ мо„ей и о сынѣ; но сей бѣдный при„шлецъ, коему уповалъ я оказать го„степріимство, просивъ его отужинать, „сей сынъ Г. *Лавеса*, горесть мою „усугубляетъ.

Во время плачевнаго сего слова, капитулъ, главный творецъ злополучія, восхотѣвъ быть свидѣтелемъ его казни и смерти, хотя и не былъ къ тому приставленъ, приближась къ нему вскричалъ: *Злодѣй! вотъ и костеръ, который тотчасъ превратитъ тѣло твое въ пепелъ, скажи истину.* Господинъ *Каласъ* вмѣсто всякаго ему отвѣта, отвратилъ только отъ него лице, и въ ту минуту палачь исполнилъ дѣло свое, отъялъ ему жизнь.

Хотя *Жанъ Каласъ* умеръ и протестантъ, отцы *Буржъ* и товарищь его *Калдагъ*, воздали памяти его величайшую хвалу: такимъ-то образомъ, (говорили они сіе всякому желающему

вѣдать) такимъ образомъ умирали нѣкогда наши мученики. И даже на разсѣянный потомъ слухъ, будто бы господинъ *Каласъ* признался и исповѣдалъ мнимое его злодѣянїе, отецъ *Буржъ* должностїю себѣ почелъ итти, и ходилъ возвѣстить судїямъ послѣднее чувствованїе *Жана Каласа*, и увѣрить ихъ, что всегда онъ свидѣтельствовалъ невинность свою и прочихъ съ нимъ обвиненныхъ.

По странномъ семъ вершенїи, начали судить *Петра-Каласа*, сына, который почитаемъ былъ самымъ виновнѣйшимъ изъ всѣхъ вживѣ оставшихся, по слѣдующимъ основанїямъ.

Одинъ молодый человѣкъ, изъ черни, именемъ *Казеръ*, во время происходившаго слѣдствїя, призванъ былъ изъ Монтпелье ради свидѣтельства. Свидѣтельствовалъ онъ, что въ бытность его работникомъ у портнаго прозываемаго *Бу*, который нанималъ лавку принадлежащую къ дому господина *Каласа*, *Петръ Каласъ* вошелъ нѣкогда

вЪ сїю лавку, и когда дѣвица *Бу* услышавЪ звонЪ кресшнаго хода, велѣла рабошникамЪ вышши во срѣшеніе, шогда *ПешрЪ КаласЪ* сказалЪ ей :,, Вы помышляеше о кресшныхЪ шолько ходахЪ; можно спасшись и вЪ двухЪ вѣрахЪ. Два мои браша вѣруюшЪ шакЪ какЪ и я; а есшьлибЪ я узналЪ, чшо хошяшЪ они перемѣнишь вѣру свою, вЪ сосшояніибЪ ихЪ заколошь; да ежелибЪ я на мѣсшѣ былЪ ошца моего, когда *ЛюдовикЪ КаласЪ*, шрешій мой брашЪ, кашоликомЪ сшалЪ, не пощадилЪ бы его.,,

Почшо усиляюшся пришащишь сего свидѣшеля изЪ Моншпелье, дабы свидѣшельсшвовашь о дѣлѣ случившемся, какЪ-шо самЪ свидѣшель ушверждаешЪ, при дѣвицѣ *Бу*, и двухЪ другихЪ еще рабошникахЪ, кои всѣ были вЪ Тулузѣ? почшо не восхошѣли послушашь самую дѣвицу *Бу*, и сихЪ двухЪ рабошниковЪ, и наипаче пошомЪ, какЪ уже предварено было вЪ предсшавленіяхЪ КаласовыхЪ, чшо дѣвица *Бу* и

два оные работника сильнѣйше утверждали, что все то, что дерзнулъ сказать *Казеръ*, есть токмо ложь вымышленная ихъ врагами, и ненавистїю злобной стороны? Какъ! *Казеръ* публично слышалъ то, что говорено было его хозяевамъ, а сїи хозяева и его *Казеровы* товарищи того не слыхали! и судїи послушавъ единаго только *Казера*, не вняли его товарищамъ, ни самымъ хозяевамъ!

Не очевидноль всякому, что свидѣтельство сего бездѣльника прекословно было въ самыхъ словахъ? *Можно спастися въ двухъ вѣрованїяхъ*, сирѣчь: БОГЪ милосердуетъ о невѣжествѣ и слабости человѣческой; а я брата моего не помилую! БОГЪ приемлетъ усердныя мольбы всякаго къ нему прибѣгающаго; а я убїю всякаго ктобъ ни прибѣгнулъ ко ГОСПОДУ образомъ таковымъ, который мнѣ явится неблагоугоденъ! Возможноль предполагать разговоръ толь лютаго безумїя исполненный?

Другій еще меншей важности свидѣтель, который свидѣтельствуя аки бы *Петрь Калась* худо говориль о вѣрѣ Римской, сими начинаеть то словами:,, Неодолимое имѣю я ко всѣмь про-,,тестантамь омерзѣніе.,, Воть, поистинѣ, свидѣтельство достойное уваженія!

Сіе было все, что токмо собрать могли на *Петра Каласа:* Докладчикь мниль , что онь сильное находить туть доказательство , осудить *Петра Каласа* вѣчно на галеру ; и онь одинь только быль сего мнѣнія. Многіе дали голось, чтобь *Петра* свободить яко необличеннаго; другіе, чтобь осудить его на вѣчное изгнаніе , и докладчикь преклонился на сіе пресилившее мнѣніе.

Приступають потомь кь сужденію вдовы *Калась*, сей добродѣтельной матери. Не было противь нея никакого доказательства, ни сомнѣнія, ни прилики; докладчикь, однакожь , опредѣляль изгнать и ее. Всѣ прочіе судіи признали ее совсѣмь неповинну.

Настала потомъ чреда молодаго *Лавеса.* Подозрѣнія на него были безумныя. Какимъ бы образомъ сей девятнатцати-лѣтній юноша, бывшій въ Бурдо, могъ избранъ быть въ Тулузѣ въ палачи протестантскіе? Могла ли ему сказать мать: Ты пріѣхалъ къ стати; мы намѣрены умертвить старшаго нашего сына, ты ему другъ, и будешь съ нимъ вмѣстѣ ужинать, чтобъ послѣ его повѣсить; одинъ изъ друзей нашихъ долженъ бы съ нами ужинать, и въ томъ намъ помочь; но теперь мы и безъ него обойдемся.

Сіе толь крайнее безуміе не могло стоять долго; но докладчикъ далъ голосъ, чтобъ и *Лавеса* осудить на изгнаніе. Прочіе судіи, кромѣ господина *Дарбу*, мнѣнію сему воспротивились.

Наконецъ когда дѣло дошло до служанки *Каласовой*, докладчикъ предлагалъ, чтобъ ее свободить во мзду древняго ея католичества; и сіе мнѣніе принято единогласно.

Возможноль посему статься, чтобЪ нашлись теперь вЪ Тулузѣ судїи, кои бы не оплакивали невинность семейства толь люто оскорбленнаго? Всемѣрно плачутЪ они и покрываются стыдомЪ; и доказательство, что раскаяваются о звѣрскомЪ приговорѣ своемЪ, есть то, что вЪ теченїе четырехЪ мѣсяцовЪ потомЪ отрицались они сообщить судопроизводство, и даже приговорЪ свой всѣмЪ, кто того ни требовалЪ.

Каждый изЪ нихЪ говоритЪ теперь во глубинѣ своего сердца: „СЪ ужасомЪ „зрю я всѣ оныя предразсужденїя, всѣ „предположенїя, кои природу и разумЪ „вЪ трепетЪ повергаютЪ. Зрю, что „единымЪ приговоромЪ умертвилЪ я на „колесѣ старца, который не могЪ быть „виновенЪ, и другимЪ моимЪ пригово„ромЪ призналЪ неповинными всѣхЪ „тѣхЪ, кои бы необходимо преступны „быть должны, яко и онЪ, естьлибЪ „только злодѣянїе было возможно. „Чувствую, что сїи приговоры мои „одинЪ другаго очевидно испроверга-

„юшъ; признаюсь, что ежель я умер-
„швилъ отца колесованїемъ, неправед-
„но поступилъ ограничась единымъ
„шокмо изгнанїемъ сына; признаюсь,
„что дѣйствительно укоряю себя из-
„гнанїемъ сына, лютою смертїю отца,
„и шѣми оковами, коими цѣлые шесть
„мѣсяцовъ отягчалъ я почтенную мать,
„и юнаго *Лавеса*.„

„Ежели мы не хотѣли показать
„судопроизводства всѣмъ тѣмъ, кто
„отъ насъ его требовалъ, сїе ради то-
„го, что оное омываемо было нашими
„слезами. Присовокупимъ же къ симъ слез-
„нымъ рыданїямъ и самое удовлетво-
„ренїе, каковое должно фамилїи добро-
„дѣтельной, которую мы повергнувъ
„въ разоренїе, предали нищетѣ; не
„скажу посрамленїю, ибо невинность
„срамоты непричастна. Воздадимъ ма-
„тери то имущество, кое Богомерзкое
„сїе судопроизводство отъ нея восхи-
„тило; станемъ просить у ней про-
„щенїя, но кто изъ насъ дерзнетъ
„снести ея присутствїе?

„Внушимъ же хотя гласу всеобщей „публики: пріимемъ ея обличенія яко „плачевный плодъ публичнаго неправо-„судія. Мы сами представляемъ МО-„НАРХУ нашему нужды свои, когда „ОНЪ требуетъ народу ЕГО необхо-„димо нужныхъ пособій, ради защище-„нія самаго сего народа отъ меча вра-„говъ его. Итакъ престанемъ быть въ „удивленіи, что вся вселенна насъ об-„личаетъ, что мы умертвили самаго „невиннѣйшаго человѣка; не видимъ „ли, что сіи обличенія писаны его „кровію?„

Вѣроятно, что судіи многократъ дѣлали втай таковыя размышленія: и коль красно ежели имъ предавалися! Коликожь, напротивъ, достойны они сожалѣнія, когда ложный стыдъ погасилъ оныя въ сердцахъ ихъ.

N. B. *Сіе твореніе есть одного очевиднаго свидѣтеля, неимѣвшаго съ Каласами никакого сношенія, но который всегда врагъ бѣсносвятству и другъ правоты.*

Вновь приобщенная статья, въ которой описуется последованіе приговора изданнаго въ пользу Каласовъ.

Съ 7 Марта 1763 года до окончательнаго рѣшенія, протекло еще два года: толико-то легко бѣсносвятству исторгнуть жизнь невиннаго, и трудно для разума воздать злополучному правосудіе. Надлежало пренести всѣ необходимыя, неотторгаемо къ обрядамъ притвожденныя волокиты. Чемъ меньше обряды оные хранимы были въ осужденіи *Каласа*, тѣмъ паче долженствовали строго соблюдены быть Совѣтомъ Государственнымъ. Цѣлаго года недостаточно было на принужденіе только Парламента Тулузскаго, чтобъ онъ все судопроизводство доставилъ Совѣту на разсмотрѣніе, дабы возможно было приступить по немъ къ докладу. Господинъ *Кросній* паки обремененъ былъ тягостнымъ симъ тру-

домЪ. Собранїе, около осмидесяти судей, уничтожило приговорЪ Тулузскїй, и повелѣло разсмотрѣть судопроизводство во всѣхЪ его частяхЪ.

Межь тѣмЪ другїя важныя дѣла всѣ почти Государственныя правительства занимали. Изгоняли изЪ Францїи ЕзуитовЪ, уничтожали тамЪ ихЪ общество. Тако бывЪ всегда нетерпящи и гонители, во чреду свою стали гонимы сами.

Сумазбродное употребленїе исповѣдныхЪ билетовЪ, коихЪ тайными творцами ЕзуитовЪ почитали, и коихЪ они явные были защитники, возбудило уже на нихЪ народную ненависть. Безмѣрное одного ихЪ вѣропроповѣдника банкрутство, кое частїю мнили быть коварнымЪ, довершило ихЪ погибель. Едины сїи слова: *Вѣропроповѣдники*, и *банкруты*, слова весьма несвойственныя чтобЪ быть имЪ вкупѣ, впечатлѣли во всѣ умы приговорЪ на ихЪ осужденїе. Разрушенїе наконецЪ ПортЪ-Рояля, и изрытїе изЪ гробовЪ костей

толико знаменитыхъ мужей, въ началѣ нашего вѣка, по внушенному отъ Езуитовъ велѣнїю, поруганныхъ: все противъ издыхающаго ихъ могущества востало. Повѣсть о ихъ изгнанїи можно видѣть въ превосходной оной книгѣ, именуемой *Разрушенїе во Францїи Езуитовъ*, творенїи безпристрастномъ, понеже оное есть творенїе философа, писанное съ искуствомъ и краснорѣчїемъ *Пасхалевымъ*, но паче съ превосходною ясностїю, которая отнюдь не омрачена якоже въ *Пасхалѣ*, предразсужденїями обольщавшими нѣкогда и великихъ мужей.

Сїе важное дѣло, о коемъ нѣкїе защитники Езуитовъ разглашали, аки бы тѣмъ оскорбляется Вѣра, и которымъ, напротивъ, великое множество мнило ее восприемлющу достойную месть, многїе мѣсяцы скрывало отъ очей публики судопроизводство *Каласовъ*. Но коль скоро Король поручилъ сїе судилищу, нарицаемому палата Рекетмейстерская, на рѣшительное ея опредѣ-

ленїе, таже публика, которая всегда любитъ преходить отъ одного позорища къ другому, забыла Езуитовъ, и *Каласы* объяли все ея вниманїе.

Палата оная есть полномощное изъ Рекетмейстеровъ учрежденное правительство, ради сужденїя тяжебъ межь дворскими чинами, и особенныхъ еще случаевъ, кои Король къ нимъ отсылаетъ. Не возможно было избрать просвѣщеннѣе судилища въ настоящемъ семъ дѣлѣ. Сїи точно судїи были тѣ самые, кои двоекратно пересматривали предварительныя части судопроизводства, и кои потому совершенно были свѣдущи объ основанїи и образѣ дѣла. Вдова *Жана Каласа*, ея сынъ и молодый *Лавесъ* заключились паки въ темницу: привезена открай Лангедока престарѣлая оная служанка католичка, которая ни на едину минуту не оставляла господъ и госпожу свою, даже въ то время, когда вопреки всякой имовѣрности полагали, акибы они удавили своего сына и брата. Судили

наконецъ дѣло по тѣмъ же самымъ бумагамъ, кои служили къ осужденїю *Каласа* на казнь колесованїя, а сына его *Петра* на изгнанїе.

Тогда-то явилось новое оное краснорѣчиваго г. де *Бомонта* представленїе, и другое еще юнаго г. *Лавеса*, толь беззаконно въ уголовное сїе судопроизводство вовлеченнаго судїями Тулузскими, кои къ довершенїю своего противорѣчїя, не объявили его и оправданнымъ. Сей юноша самъ сочинилъ свое представленїе, которое всѣмъ свѣтомъ признано достойнымъ стать на единой чредѣ съ представленїемъ г. де *Бомонта*. Сугубое имѣлъ онъ преимущество говорить и за самаго себя, и за семейство, коего онъ раздѣлялъ оковы. Отъ него подлинно зависѣло разбить свои оковы, и выпти изъ темницы, естьлибъ только восхотѣлъ изрещи, что на ту минуту, въ кою будтобъ отецъ и мать умертвили сына своего, онъ оставилъ уже *Каласовъ*. Угрожали ему мукою; пытка и смерть

очамъ его были представлены: едино слово моглобъ его свободить; но онъ восхотѣлъ лучше подвергнуться мученіямъ, нежели произнести слово ложное. Всю сїю подробность изобразилъ онъ въ своемъ представленіи съ толь благороднымъ чистосердечїемъ, толь просто и чуждо всякаго тщеславія, что плѣнилъ всѣхъ жадавшихъ убѣжденія, и принудилъ себѣ удивляться, отнюдь не ища тѣмъ славы.

Отецъ его знаменитый стряпчїй, нимало неучаствовавшїй въ семъ твореніи, внезапно узрѣлъ сына сравненна съ собою, сына, который никогда къ дѣламъ приказнымъ не прилѣплялся.

Между тѣмъ особы благомыслящїя, сонмами приходили въ темницу гжи. *Каласъ*, гдѣ съ нею купно заключены были и дочери. Поражаясь тамо жалостїю даже до слезъ, отъ человѣколюбїя своего и щедротъ всевозможныя проливали помощи нещастнымъ. Но что до тѣхъ касается обществъ, коихъ *призрителями бѣдныхъ* нарица-

ютъ, сіи не явили имъ помощи нималѣйшія: ибо таковое *призрѣніе*, кое впрочемъ часто толь скупо и оскорбительно бываетъ, во Франціи есть достояніе набожныхъ; а набожные стремились еще гнать *Каласовъ*.

Но насталъ тотъ день, въ который невинность восторжествовала вполнѣ. Господинъ *Баканкуръ* докладывалъ все судопроизводство; внушилъ дѣло даже до малѣйшаго обстоятельства; и всѣ судіи единогласно объявили семейство неповиннымъ, неправедно и злостно Парламентомъ Тулузскимъ судимымъ. Они возстановили память отца; позволили семейству принести гдѣ надлежитъ жалобу на беззаконіе судей своихъ, ради возвращенія издержекъ, убытковъ, проѣстей и волокитъ, чѣмъ Тулузскіе судіи сами, и безъ ходатайства, удовлетворить бы имъ долженствовали.

Сіе приключеніе въ Парижѣ всеобщею было радостію! Безчисленными сонмами наполнялись площади, гуль-

бищныя мѣста; спекались зрѣть семейство толь злополучное, и толь свято оправданное; рукоплескали проходящимъ тамо судїямъ, умоляя на нихъ небесное благословенїе. Но сїе позорище тѣмъ паче плѣняло зрителей, что день сей, 9 Марта, было самое то число, въ которое *Калась* мучительною погибъ казнїю.

Тако господа Рекетмейстеры воздали роду *Каласовъ* правосудїе совершенное, и тѣмъ исполнили токмо должность свою. Но есть должность еще другая, сирѣчь благотворенїе, весьма рѣдко судилищами исполняемое: ибо они мнятъ себя постановленныхъ быть токмо правдивыми; а Рекетмейстеры опредѣлили отъ сословїя своего доложить Королю, и просить отъ Его Величества щедроты на поправленїе разоренной семьи. Докладъ поданъ, и Государь снизшелъ на оный, повелѣвъ выдать тритцать шесть тысячь ливровъ матери и дѣтямъ, и изъ сихъ тритцати шести, три тысячи лив-

ровъ удѣлить добродѣтельной оной служанкѣ, неколеблемо защищавшей истину защищая господъ своихъ.

Сею благостїю, такъ какъ и многими другими дѣянїями Государь достойно приобрѣлъ себѣ оное проименованїе, кое любовь народа ему даровала. Да послужитъ примѣръ сей ко влїянїю въ человѣковъ терпимости, безъ коей бѣснсвятство опустошило бы всемѣрно землю, или по крайней мѣрѣ въ вѣчное погрузило бы ее сѣтованїе. Знаемъ, что здѣсь до единой токмо семьи касается, и что остервененїе сектъ тысящи оныхъ погубило; но днесь минувшимъ уже кровавымъ онымъ вѣкамъ, днесь когда всѣ христїанскїя общества подъ сѣнїю мира покоятся, въ сїе сладкаго спокойствїя время, злополучїе *Калассовъ* долженствуетъ величайшее сдѣлать впечатлѣнїе, подобно яко громъ разящїй нѣкогда во благорастворенїи краснаго дня. Сїи случаи рѣдки, но собываются; и они суть дѣйствїе мрачнаго

онаго суевѣрія, кое стремитъ слабыя души возводить преступленія на всякаго, кто токмо мыслитъ съ ними разнообразно.

Письмо отъ г. Волтера къ г. д' Аламберту.

1 Марта 1765 года.

Любезный другъ! съ крайнимъ вниманїемъ читалъ я новое г. де *Бомонта* о невинности *Каласовъ* представленїе, и удивляясь оному пролилъ слезы; но оно не новость уже мнѣ возвѣстило: ибо давно убѣжденъ я въ истинѣ плачевнаго сего дѣла; да и самъ имѣлъ щастїе доставить главнѣйшїя къ тому доказательствы.

Вы хотите знать, какимъ образомъ разлїявшїйся по всей Европѣ вопль противъ судебнаго убїйства нещастнаго *Каласа*, въ Тулузѣ колесованнаго, могъ распространиться изъ угла неизвѣстныя земли, межь горами Алпїйскими и Юрою лежащей за сто миль отъ мѣста, гдѣ страшное оное зрѣлище происходило.

Ничто, можетъ быть, лучше сего случая не покажетъ непостижимаго она-

го союза, всѣ приключенія злополучнаго нашего міра соединяющаго.

ВЪ исходѣ Марта 1762 года, нѣкто путешествовавшій, проѣзжая Лангедокъ заѣхалъ въ мое убѣжище, въ двухъ миляхъ отъ Женевы отстоящее; и увѣдомивъ меня о казни *Каласовой*, увѣрялъ, что онъ погубленъ неповинно. Я отвѣчалъ, что злодѣяніе *Каласово* невѣроятно; но паче еще то неимовѣрнѣе, чтобъ судіи безъ всякой корысти погубили невиннаго мучительнымъ колесованіемъ.

На другой день услышалъ я, что одинъ изъ сыновъ злополучнаго онаго отца уклонился въ Швейцарію, и не подалеку отъ деревенской моей хижины скрывается. Побѣгъ его заставилъ было меня подозрѣвать, что конечно семейство сіе виновно. Однакожъ размышлялъ я, что отецъ осужденъ на казнь, яко единый убійца сына своего за вѣру, и что сей отецъ умеръ шестидесяти девяти лѣтъ. Усиляюсь я, и не могу привести себѣ на память во

всю жизнь мою читаннаго, чтобы какойлибо старикъ толь страшнымъ объятъ былъ бѣснословствомъ. Всегда я примѣчалъ, что подобное сему бѣшенство обыкновенно обымало только юность, коего пылкое, мятежное и слабое воображенїе легко суевѣрїемъ воспламеняется. Цевенскїе бѣсносвяты были простаки отъ двадцати до тридцати лѣтъ съ юности еще пророчествовать наученные. Всѣ почти недужные, коихъ я безчисленное множество видѣлъ въ Парижѣ, юныя были дѣвки и молодые робята. Престарѣлые изъ монаховъ никогда такъ стремительны, и толь склонны къ бѣснованїю, отъ ревности происходящему, не бываютъ, какъ выходящїе вновь изъ бѣльцовъ. Славные бѣсносвятствомъ вооруженные убїйцы, всѣ были молодые люди, такъ какъ и всѣ тѣ, коихъ мнили быть демономъ одержимыхъ: Никогда не видано, чтобъ бѣсовъ изъ престарѣлаго изгоняли. Сїе понятїе заставило меня усомниться и въ зло-

дѣянiи *Каласовъ*, которое нимало впрочемъ и неестественно. Не зналъ я обстоятельствъ.

Велѣлъ потомъ прiйти къ себѣ молодому *Каласу*, уповая увидѣть въ немъ человѣка демономъ одержимаго, каковыхъ нѣкогда страна его производила. Но я узрѣлъ въ лицѣ его юношу простаго, чистосердечнаго, самаго кроткаго, миловиднаго, и который говоря со мной тщетно силился удержать лiющiеся изъ глазъ его горькiя слезы. Онъ повѣдалъ мнѣ, что будучи въ Нимесѣ въ ученiи у нѣкоего фабриканта, народнымъ возвѣщенъ гласомъ, что все семейство его въ Тулузѣ осуждено на смерть; что весь почти Лангедокъ почитаетъ его виновнымъ, и что во избѣжанiе толь страшнаго поношенiя онъ скрылся въ Швейцарiю.

Вопрошенный потомъ, не гнѣвнаголь были отецъ и мать его нрава, отвѣчалъ онъ, что никогда они ни единаго изъ дѣтей своихъ не оскорби-

ли, и что снизходительнѣе и благосердѣе родителей его не бывало.

Признаюсь, что не надобно было для меня большаго убѣжденія къ воспріятію мысли о невинности сей фамиліи. Вскорѣ потомъ новыя получилъ еще я извѣстія отъ двухъ Женевскихъ купцовъ, дознанной честности, жившихъ нѣкогда въ Тулузѣ у *Каласа.* Они утвердили меня въ моемъ мнѣніи, такъ что не только не почиталъ уже я фамилію *Каласовъ* бѣсносвятами и чадоубійцами; но напротивъ, казалось какъ бы я зрѣлъ своими очами, что бѣсносвяты обвинили ее и погубили. Съ давнаго уже времени зналъ я къ чему пристрастіе и клевета человѣческія удобны.

Но коль велико было мое удивленіе, когда на письма мои о странномъ семъ приключеніи, католики и протестанты отвѣтствовали мнѣ изъ Лангедока, что о злодѣяніи *Каласовъ* не должно и сомнѣваться. Однакожъ я не отсталъ: Осмѣлился писать къ

самымъ правителямъ области; къ начальникамъ еще областей сосѣдственныхъ, къ министрамъ Государственнымъ; и всѣ мнѣ единогласно совѣтовали не мѣшаться въ толь дурное дѣло; всѣ меня осуждали; но я упорствовалъ, и вотъ что предпріялъ.

Вдова *Каласъ*, отъ которой къ довершенію ея злополучія и поруганія, исторгли и дочерей ея, уклонясь въ уединеніе питалась тамо слезами, ожидая себѣ смерти. Нимало не развѣдывая о томъ, прилѣплена ли она къ протестантской вѣрѣ, или нѣтъ, но токмо вѣруетъ ли въ БОГА наградителя добродѣтели и мстителя злодѣяній, приказалъ я у ней спросить, подпишетъ ли она именемъ сего праведнаго БОГА, что мужъ ея преданъ смерти неповинно? Она въ томъ не колебалась; не усомнился больше и я. Просилъ потомъ г. *Маріетта*, чтобы вступился онъ защищать ее въ Совѣтѣ Королевскомъ. Надобно потому было извлечь гжу. *Каласъ* изъ ея убѣжища, и

заставить предпріять путь вЪ Парижъ.

Тогда-то видимо было, что ежель есть на землѣ великія злодѣянія, есть также и великія добродѣтели; и что ежели суевѣріе страшныя причиняетЪ злополучія, Философія то поправляетЪ.

Нѣкая госпожа, которой щедрость равна высокости ея рода (*), бывшая тогда вЪ Женевѣ для прививанія дочерямЪ своимЪ оспы, первая была нещастной сей семьѣ помощница; уклонившіесь туда Французы способствовали ей; путешествовавшіе Агличане вЪ томЪ отличилися: и какЪ говоритЪ г. де *Бомонтъ*, было тамЪ сраженіе щедроты межь сими двумя народами за то, коему изЪ нихЪ наиболѣе толико утѣсненной добродѣтели вспомоществовать надлежало.

Прочее кому столько извѣстно какЪ вамЪ? Кто сЪ большею твердостію и неустрашимымЪ ревніемЪ послужилЪ не-

(*) Принцесса Анвильская.

винности? Колико ободрили вы гласЪ ораторовЪ, слышанный всею Францїею, и всею внимательною Европою? Мы зрѣли возобновленїе того времени, когда *Цицеронъ*, предЪ сословїемЪ законодателей вселенныя оправдывалЪ обвиняемаго вЪ отцеубїйствѣ *Америна.* Нѣкїя особы, коихЪ *набожными* нарицаютЪ, востали было противЪ *Каласовъ;* но впервые еще, со временЪ укоренившагося бѣсносвятства, гласЪ мудрыхЪ заградилЪ имЪ уста.

Тако разумЪ велїя одерживаетЪ паки межь нами побѣды! но не думаете ли, любезный другЪ, чтобЪ фамилїя *Каласовъ*, толико вспомоществованная, и толь праведно снискавшая себѣ месть, была тогда только одна, которую вѣра вЪ чадоубїйствѣ обвиняла, была только одна бѣшенству предразсужденїя жертвованная? Есть еще другая паче нещастнѣйшая; понеже испытавЪ тѣжь ужасы, не имѣла она подобныхЪ утѣшенїй; не нашла

Маріеттов, *Бомонтов* (*) и *Лоазо*.

Кажется, что въ Лангедокѣ существуетъ еще адская оная фурія, приведенная нѣкогда инквизиторами въ препровожденіи *Симона Монтфорта*, и съ той годины по временамъ пламеннымъ своимъ свѣточемъ потрясаетъ.

Нѣкто Февдистъ въ Кастрѣ, именемъ *Сирвенъ* имѣлъ у себя трехъ дочерей; и какъ сія фамилія исповѣдуетъ вѣру мнимо-реформатскую, то исхитили отъ рукъ матерьнихъ младшую ихъ дочь. Заключили ее въ монастырь, и сѣкли ради лучшаго наученія Катехизису; она сошла съ ума, и бѣжавъ изъ монастыря утопилась въ колодязѣ, за милю отъ дому отца своего. Тотчасъ ревностно вѣрующіе нималѣй-

(*) Мы одолжаемся сказать здѣсь въ честь человѣколюбію, что г. де *Бомонтъ* приуготовился уже на защищеніе невинности *Сирвенов*, такъ какъ онъ оказалъ то и *Каласамъ*. Но г. *Волтеръ* не зналъ еще сего въ то время, когда онъ писалъ письмо сіе.

шаго не полагаютЪ сомнѣнія, чтобЪ не отецЪ, мать и сестры дитя сїе утопили. У католиковЪ сей провинцїи за достовѣрное почиталось, что главнѣйшая изЪ статей протестантскія вѣры есть такова, что отцы и матери за должность себѣ вмѣняютЪ повѣсить, зарѣзать, или утопить всякаго изЪ дѣтей своихЪ, коего они хотя вЪ малѣйшей склонности кЪ вѣрѣ Римской подозрѣваютЪ. А сїе точно было вЪ то время, когда *КаласЪ* стоналЪ вЪ оковахЪ и когда смертную готовили ему казнь.

Приключенїе утопшей оной дѣвицы спѣшно доходитЪ вЪ ТулузЪ. ВотЪ и еще, вопїютЪ тамо, примѣрЪ отчаго и матерьняго чадоубїйства! Народное бѣшенство отЪ того умножается, колесуютЪ *Каласа*, осуждаютЪ на тожЪ и *Сирвена*, жену его и дочерей. Устрашенный *СирвенЪ* едва только имѣлЪ время убѣжать сЪ немоществовавшею тогда своей семьею. Лишенные всякой помощи преходятЪ они пѣши неприступныя и покрытыя тогда снѣгомЪ

горы. Одна изъ дочерей его межь льдами разрѣшается отъ бремени, и умирающая восхищаетъ издыхающаго младенца въ свои обьятія. Наконецъ приемлютъ они путь къ Швейцаріи.

Тажь самая приведшая ко мнѣ *Каласовыхъ* дѣтей нечаянность, восхотѣла чтобъ прибѣгли ко мнѣ и *Сирвены.* Вообразите себѣ, любезный другъ, четырехъ овновъ зато отъ мясниковъ на убіеніе осужденныхъ, будто они пожрали своихъ агнцовъ. Сіе-то есть видѣнное мною; и я не въ силахъ описать вамъ толикія невинности, и вкупѣ бѣдъ толикихъ. Чтожь долженствовалъ я дѣлать? и чтобъ вы сдѣлали сами будучи на моемъ мѣстѣ? Должноль было ожесточиться до того, чтобъ не возстенать о природѣ человѣческой? Я осмѣлился писать къ г. первому предсѣдателю Лангедокскому, мужу разумному и добродѣтельному; но его не было тогда въ Тулузѣ. Итакъ чрезъ нѣкоего изъ друзей вашихъ переслалъ я прошеніе къ вице-

канцлеру. Между тѣмъ въ теченіи сего времени свершаютъ казнь близь Кастра надъ изображеніями отца, матери и двухъ дочерей; имѣнія ихъ конфискованы и расхищены безъ остатку.

Вотъ цѣлое семейство благоденствовавшее, невинное и добродѣтельное, предано поруганію и нищетствованію въ землѣ чуждой! Правда, находятъ они милосердіе; но коль горестно быть, даже до гроба, предметомъ сожалѣнія! Наконецъ отвѣчаютъ мнѣ, что можно имъ получить прощеніе. Я подумалъ было, что то говорится мнѣ о судіяхъ, что имъ потребно прощеніе. Вы сами чувствуете живо, что нещастная оная фамилія восхотѣла бы лучше влачась по дворамъ просить подаяніе, и умереть отъ бѣдности, нежели просить прощеніе въ толь ужасномъ злодѣяніи, которое не можетъ быть простительно. Но какъ же получить можно и правосудіе? Какимъ образомъ итти предать себя темничному заключенію, въ своемъ отечествѣ, гдѣ половина на-

рода вопіетъ еще, что смертная *Каласова* казнь была праведна? Кто возмется предстательствовать въ другой разъ о пренесеніи дѣла ихъ въ Совѣтъ? Кто покусится паки возбудить въ публикѣ жалость, которую можетъ быть злополучіе *Каласовъ* уже исчерпало, и которая утомится всемѣрно, опровергая обвиненія въ чадоубійствѣ, возстановляя неповинно осужденныхъ, и постыждая неправедныхъ судей?

Сіи два плачевныя приключенія, случившіяся одно по другомъ непосредственно, не суть ли, любезный другъ, ясныя доказательства неизбѣжнаго оннаго рока, коему бѣдный нашъ родъ подверженъ? Истина жестокая, *Гомеромъ* и *Софокломъ* толико проповѣдыванная; но истина полезная, понеже научаетъ насъ оному покаряться и его сносить

Сказать ли вамъ еще, что между тѣмъ, какъ удивительныя злополучія *Каласовъ* и *Сирвеновъ* тяжко оскорбляли мою чувствительность, одинъ человѣкъ, коего состояніе вы по его

со мной разговору всемѣрно отгадаете, упрекалъ меня, что толикое беру я участіе въ двухъ оныхъ чуждыхъ мнѣ семьяхъ. „ Почто вы, говорилъ онъ, „такъ въ дѣла ихъ мѣшаетесь? О-„ставьте мертвыхъ погребать мертве-„цовъ своихъ.„ Я отвѣчалъ ему, что я въ пустыняхъ моихъ нашелъ Израилтянина обагренна его кровію: потерпи, да возлію нѣсколько елея и вина на язвы его: ты Левитъ, остави меня быти Самаританиномъ.

Правда, что въ возмездіе за мои попеченія, поступили со мной довольно по Самаритански: сочинили поносный пасквиль подъ именемъ *наставленія* и *цвѣта пастырскаго*; но сіе должно предать забвенію: ибо соплеталъ оное Езуитъ. Не зналъ я тогда, нещастный, что давалъ убѣжище Езуиту; но могъ ли я доказать лучше, что мы и враговъ своихъ должны чтить якоже нашу братію?

Страсти ваши суть любовь къ добродѣтели, къ человѣчеству, и нена-

висть къ клеветѣ : подобострастїе наше утвердило межь нами дружество. Я всю жизнь свою провелъ въ исканїи и внушенїи повсюду оной возлюбленной мною истины. Кто другой изъ новыхъ историковъ защитилъ память великаго Государя отъ гнусныхъ лжей незнаемо какого-то писателя , коего можно назвать *клеветникомъ Государей , министровъ и великихъ военачальниковъ* , и который однакожь нынѣ не находитъ уже себѣ читателей?

Итакъ въ страшныхъ оныхъ съ *Каласами* и *Сирвенами* злоключенїяхъ, я сдѣлалъ только то, чтобъ сдѣлалъ и всякой человѣкъ : слѣдовалъ моей склонности. Склонность философа не въ томъ единомъ состоитъ, чтобъ оплакивать нещастныхъ , но являть имъ услуги.

Знаю, съ каковымъ остервененїемъ бѣсносвятство востаетъ на философїю. Сїя имѣетъ двухъ дщерей , коихъ бѣсносвятїе желало бы погубить точно такъ , какъ и *Каласа* , *Истину* и *Тер-*

лимость; между тѣмъ какъ философія тщится токмо обезоружить изчадіе бѣсносвятства, сирѣчь: *Ложъ* и *Гоненіе*.

Люди нетщательно разсуждающіе, желая уничижить благомыслящихъ, смѣшивали философа съ суемудрымъ; но они весьма обманулися. Истинный философъ можетъ иногда подвигнуться негодованіемъ противо клеветы, самого его гонящія. Можетъ онъ вѣчнымъ покрыть презрѣніемъ гнуснаго наемника, двоекратно въ каждый мѣсяцъ оскорбляющаго разумъ, изящный вкусъ и добродѣтель. Можетъ мимоидя предать сраму и тѣхъ, кои превосходныя озлобляютъ писмена, въ самомъ даже святилищѣ, гдѣ бы чтить ихъ подобало. Но онъ не знаетъ ни заговоровъ, ни скрытныхъ злоумышленій, ни мщенія. Знаетъ, по образу мудраго *Монтбара* (*) и мудраго *Воре* (**), устроять землю плодоноснѣй-

(*) Г. *Бюфонъ*. (**) Г. *Гелвецій*.

шею, а обитателей ея блаженными. Истинный философъ воздѣлываетъ безплодныя поля, умножаетъ число сохъ, и слѣдовательно обитателей; упражняетъ трудомъ бѣдныхъ и обогащаетъ ихъ; поощряетъ браки, призираетъ сиротъ; нимало не ропщетъ противо нужныхъ податей, и земледѣлателя приводитъ въ состоянїе платить оныя съ веселїемъ. Ничего не ожидаетъ отъ людей, и дѣлаетъ имъ всевозможное благо. Лицемѣромъ гнушается и сожалѣетъ о суевѣрѣ: наконецъ умѣетъ онъ быти другомъ.

Примѣчаю, что я васъ точно здѣсь образую; и въ моемъ изображенїи не былобъ всемѣрно недостатка, когдабъ токмо вы толь были щастливы, естьли бы возмогли достигнуть сельскаго обиталища.

Писмо отъ господина Волтера къ господину Елїю де Бомонту, стряпчему Парламента.

Отъ 20 Марта 1767 года.

Представленїе ваше, государь мой, во оправданїе *Сирвеновъ* учиненное, объяло жалостїю, и убѣдило всѣхъ читателей: тоже всемѣрно возметъ оно дѣйствїе и надъ судїями. Совѣщанїе, девятнатцатью знаменитыми Парижскими стряпчими подписанное, кажется также рѣшительнымъ въ пользу сей фамилїи невинной, какъ и почтенной ради Тулузскаго Парламента.

Вы увѣдомляете меня, что никто изъ совѣтовавшихъ стряпчихъ не восхотѣлъ принять тѣхъ денегъ, кои вручены вамъ ради ихъ почести. Безкорыстїе ихъ и купно ваше, достойны суть знаменитыя оной должности, коея служенїе состоитъ въ томъ, чтобъ защищать утѣсненную добродѣтель.

Уже вторично, государь мой, отмщаете вы за природу и за цѣлый народъ. Страшное было бы имъ поношенiе, естьли бы толикiя обвиненiя въ чадоубiйствѣ хотя малѣйшее имѣли въ себѣ основанiе. Вы доказали, что учиненный на *Сирвеновъ* приговоръ еще паче безпорядочнѣе, нежель рѣшенiе потребившее добродѣтельнаго *Каласа* колесованiемъ и огнемъ.

Со временемъ пришлю я къ вамъ г. *Сирвена* и дочерей его; но предваряю васъ, что можетъ быть нимало не найдете вы въ семъ нещастномъ домоотцѣ присутствующаго онаго разума, неколеблемыя оной твердости, и тѣхъ пособiй, коимъ въ лицѣ гжи. *Каласъ* удивлялися. Пять лѣтъ въ нищетѣ и поношенiи провожденныхъ, въ толикое погрузили его унынiе, что оное не позволило ему стать ради оправданiя своего предъ судiями. Великiй имѣлъ я трудъ утишить его отчаянiе во время тѣхъ волокитъ и трудностей, кои пренесли мы домогаясь

токмо достать изъ Лангедока оную частицу бумагъ, которую отослалъ я къ вамъ, и которая толь ясно обнаружила безумїе и неправосудїе нижняго судїи, осудившаго *Сирвена* на смерть, и все его имѣнїе восхитившаго. Никто изъ родственниковъ его, а паче изъ тѣхъ, коихъ мы *прїятельми* нарицаемъ, писать къ нему не осмѣлился: толико бѣсносвятїе и ужасъ овладѣли всѣми умами.

Осужденная съ нимъ вкупѣ его супруга, женщина почтенная, прибывъ ко мнѣ умерла отъ горести; одна изъ дочерей уже готова подъ бременемъ пятилѣтняго ея отчаянїя сокрушиться; рождшїйся посреди снѣговъ внукъ, съ самаго нещастнаго своего рожденїя одержимъ немощїю: все сїе раздираетъ отцову грудь, и уже помѣшало нѣкакъ его разумъ. Во слезахъ токмо онъ погружается: но ваши убѣжденїя и его слезы, всемѣрно тронутъ судей его.

Между тѣмъ долженствую возвѣстить вамъ о нѣкоей примѣченной мною

вЪ представленiи вашемЪ ошибкѣ, которая однакожь справедливости дѣла нимало не возмущаетЪ. Вы, устами *Сирвена*, говорите, что БернЪ и Женева дали ему содержанiе. Подлинно, БернЪ даровалЪ отцу, матери и двумЪ ихЪ дочерямЪ, каждому по семи ливровЪ и по десяти копѣекЪ, ежемѣсячно, и усердно желаетЪ продолжить сiе даянiе на время отЪѣзда его вЪ ПарижЪ; но Женева не подала имЪ помощи нималѣйшiя.

Наименовали вы ИМПЕРАТРИЦУ Россiйскую, Короля Польскаго, и Короля Прусскаго, вспомоществовавшихЪ сей добродѣтельной, и толико гонимой семьѣ; но вы не могли еще тогда знать, что Король Датскiй, ЛандграфЪ Гессенскiй, Герцогиня Саксенготская, Принцесса Нассау-Саарбрукская, Маркграфиня Баденская, Принцесса Дармштатская, всѣ равномѣрно тронутые добродѣтелiю и утѣсненiемЪ *Сирвенов*, усердствовали пролiять на нихЪ свои благотворенiя. Король Прусскiй,

первый о томъ возвѣщенный, ускорилъ прислать ко мнѣ сто ефимковъ, съ предложенїемъ принять и всю фамилїю въ области его, и о ней пещися.

Король Датскїй не будучи мною даже прошенъ, удостоилъ меня письмомъ своимъ, и прислалъ знатный даръ. ИМПЕРАТРИЦА Россїйская явила также благостыню; и дивную щедроту Свою, которая толико сердцу ЕЯ свойственна, на вѣки прославила: ибо благотворенїе СВОЕ проводила сими сильными, собственноручно писанными ЕЮ словами: *Горе гонителямъ.*

Король Польскїй, по единому къ нему слову, изреченому госпожею *Жофренъ*, которая была тогда въ Варшавѣ, прислалъ даръ достойный его особы, и гж. *Жофренъ*, послѣдуя Королю Польскому, подала тѣмъ примѣръ самимъ Французамъ. Такимъ-то образомъ Герцогиня д' *Анвилъ*, въ бытность свою въ Женевѣ, первая содѣлалась благотворительницею *Каласамъ* въ ихъ злополучїи. Произшед-

щая отъ отца и дѣда прославльшихся благотворенїями, знаменитостїю паче всѣхъ краснѣйшею, никогда не пропускала она ни единаго случая покровительствовать и облегчать жребїй нещастныхъ, съ толикимъ же великодушїемъ, какъ и благоразсмотрительностїю. Сїе-то всегда отличало домъ ея; и признаюсь вамъ, государь мой, что желалъ бы я возмощи столько, дабы предать памяти самаго позднѣйшаго потомства должныя чествованїя сему благотворенїю, кое никогда слабости было непричастно.

Правда, что весьма она (фамилїя *Каласовъ*) вспомоществована первыми въ государствѣ особами, щедрыми гражданами, министромъ, коего до днесь не могли еще порицать какъ только расточительностїю и благотворенїями; наконецъ самимъ Королемъ, который довершилъ то поправленїе, чѣмъ цѣлый народъ и престолъ невинно пролитой крови долженствовали.

Возданное подъ кровомъ вашимъ сей фамилїи правосудїе, болѣе принесло Францїи чести, нежель колико казнь *Каласова* причинила намъ поношенїя.

Ежели судьба помѣстила меня въ пустыняхъ, въ коихъ фамилїя *Сирвеновъ*, и дѣти гжи. *Каласъ* искали себѣ убѣжища; ежели слезы и толико уже признанная невинность ихъ, возложили на меня должность необходимую воспрїять о нихъ нѣкое попеченїе, кленусь вамъ, государь мой, что при всей жалости, какову влїяли въ меня обѣ сїи фамилїи, никогда не забывалъ я должнаго хранить почитанїя къ Парламенту Тулузскому; не возводилъ я смерти добродѣтельнаго *Каласа*, и осужденїя всей фамилїи *Сирвеновъ*, ни на кого болѣе, какъ на вопль бѣснопсвятствующїя черни, на лютость еще, каковою капитулъ *Давидъ* отличилъ ложное свое ревнованїе, и на роковое стеченїе обстоятельствъ.

Ежелибъ я былъ членъ Парламента Тулузскаго, заклялъ бы всю мою собратію соединиться съ *Сирвенами*, ради испрошенія отъ Короля дать имъ другихъ судей. Объявляю вамъ, государь мой, что сія фамилія не узритъ страны рожденія своего, доколѣ не узритъ себя толикожъ оправданну по законамъ, колико она вещественно права предъ очами всего народа. Во вѣкъ не возымѣетъ она силы и терпѣнія снести даже вида судіи мѣстечка онаго Мазомета, отечества своего, судіи, который гналъ сію фамилію паче нежели судилъ. Не прейдетъ она ни единаго католическаго селенія, гдѣ народъ твердо увѣренъ, что главнѣйшая должность отцовъ и матерей, въ протестантскомъ исповѣданіи, есть удавлять дѣтей своихъ, коль скоро примѣтятъ въ нихъ склонность къ вѣрѣ католической. Сіе-то пагубное предразсужденіе повергло *Жана Каласа* на колесо: можетъ оно потребить также и *Сирвеновъ*. На-

конецЪ столькожь невозможно мнѢ преклонять *Сирвена* кЪ возвращенію во страну такую, которая дымится еще кровію *Каласа*, колико невозможно было обѢимЪ симЪ фамиліямЪ умертвить дѢтей своихЪ за вѢру.

Весьма извѢстно мнѢ, государь мой, какимЪ образомЪ творецЪ гнуснаго періодическаго пасквиля, названнаго помнится, *лѣто ученое*, увѢрялЪ два года тому назадЪ, аки бы ложно то, что вЪ ЛангедокѢ обвиняли протестантскую вѢру поученіемЪ чадоубійства. Утверждая, будто никогда вЪ томЪ протестантовЪ и не подозрѢвали, столько оказалЪ онЪ безстудія, что составилЪ и письмо, разглашая аки бы получилЪ его изЪ Лангедока; напечаталЪ сіе письмо, и вЪ немЪ удостовѢряетЪ, что обвиненіе оное протестантовЪ есть вымышленное. СимЪ образомЪ соплетаетЪ онЪ преступленіе вЪ подлогѢ, дабы бросать еще подозрѢнія на невинность *Каласовъ*, и на самую правоту сужденія господЪ Ре-

кетмейстеровъ: и сїе ему потерпѣли! удоволились только тѣмъ, что имъ гнушаются!

Сей бездѣльникъ во зло употребивъ имена маршала *Ришелье* и Герцога *Вилларса*, говоритъ какъ невѣжда, что люблю я ссылаться на знаменитыхъ людей: онъ худо меня знаетъ. Довольно извѣстно, что суетное величїе имянъ меня не ослѣпляетъ; но что я великїя токмо дѣянїя почитаю. Не зналъ онъ, что оба сїи вельможи были тогда у меня, какъ имѣлъ я честь представить имъ двухъ сыновъ *Жана Каласа*, и что они не прежде расположились въ пользу *Каласовъ*, какъ по зрѣломъ уже разсмотрѣнїи ихъ дѣла.

Всемѣрно долженствовалъ онъ знать, а притворяется только незнанїемъ, что вы, государь мой, сами, во своемъ за госпожу *Каласъ* представленїи, поразили проклятое оное предразсужденїе, кое вѣру протестантскую позволенїемъ чадоубїйства обвиняетъ. Го-

сподинъ де *Зюдръ*, знаменитый Тулузскій стряпчій, прежде еще васъ востали противъ ужаснаго сего мнѣнія, и не былъ внятъ. Самъ Тулузскій Парламентъ потребить велѣлъ огнемъ, на огромномъ торжественно воздвигнутомъ кострѣ, нѣкое не по формѣ писанное доказательство, въ которомъ опровергаемо было народное въ томъ заблужденіе; градскіе солдаты мимо костра сего провождали отягченнаго оковами *Жана Каласа*, дабы подвергнуть его послѣднему распросу. Старецъ сей возмнивъ, что то уготованное было позорище на его казнь, лишился чувствъ, и привлеченный потомъ предъ судъ, на стулѣ преступничьемъ, не могъ уже отвѣтствовать: тако смятеніе его послужило къ осужденію его на смерть.

Наконецъ Консисторія, и самый Совѣтъ Женевскіе, обязанными себя почли отразить, и торжественными разрушить свидѣтельствами лютую оную на вѣру ихъ возведенную клевету: сихъ-то вопреки публичныхъ дѣяній, по-

среди вопля всея Европы, и въ виду торжественнаго онаго сорока господъ Рекетмейстеровъ приговора, человѣкъ безсовѣстный и безстыдный дерзаетъ лгать ради нападенія еще (естьлибъ только возмогъ) на признанную уже невинность *Каласовъ*.

Сія толико достойная казни дерзость пренебрежена, и виновный подъ кровомъ презрѣнія спасся. Одинъ только Маркизъ *Даржансъ*, господинъ бригадиръ, препровождавшій у меня четыре сряду мѣсяца, во время сильнѣйшаго движенія судопроизводства о *Каласахъ*, публично изъявилъ свое негодованіе противо гнуснаго сего нечестивца.

Страннѣе же всего, государь мой, то, что господинъ *Кокелей*, достигнувъ чести быть въ вашемъ чинѣ, унизился до того, что даже похвалялъ листки сего *Фрерона*, и подкрѣпивъ толикую дерзость сталъ его сообщникомъ.

Пустъ лоскутки сїи безпрестанно клевещутъ на достоинства всякаго рода; пусть творецъ оныхъ кормится своимъ соблазномъ; и пусть бросаютъ ему нѣсколько костей за его лаянье; добрый часъ; никто на то не взираетъ. Но понеже онъ озлобляетъ и самый уже Совѣтъ, то вы конечно признаетесь, что сїя преступная дерзость, не должна быть ненаказанна въ лицѣ нечестивца, изгнаннаго изъ всѣхъ обществъ, и даже изъ того, которое извержено наконецъ изъ всея Францїи. Ставъ поношенїемъ человѣчества, не приобрѣлъ онъ себѣ права оскорблять то, что есть почтеннѣйшее въ свѣтѣ. Не знаю, говорилъ ли онъ что о *Сирвенахъ*; но надлежалобъ возвѣстить областныхъ обитателей, кои имѣли уже слабость выписывать его листки изъ Парижа, чтобъ не больше внимали они, какъ и жители столицы, всему тому, что сей всемїрному преданный омерзѣнїю человѣкъ ни пишетъ.

Теперь лишь читалъ я представленіе господина *Кассена*, стряпчаго Совѣта: сіе твореніе достойно явиться по вашемъ первымъ. Увѣдомляютъ меня, что господинъ *Кассенъ* равное оказалъ великодушіе какъ и вы: невинность покровительствуетъ онъ безъ всякаго возмездія. Какіе примѣры, государь мой, и коль почтеннымъ становится стряпчихъ сословіе! Господа *Кроснїй* и *Баканкуръ* заслужили хвалу и благодареніе отъ всея Франціи судопроизводствомъ *Каласова* дѣла. Но ради судопроизводства о *Сирвенахъ*, мы имѣемъ докладчика (*), судію мудраго, просвѣщеннаго, краснорѣчиваго, (не того краснорѣчія, кое въ единомъ токмо состоитъ искуствѣ словоплетенія). Итакъ мы всего можемъ надѣяться.

Ежели по нещастію какіе-либо судебные обряды воспротивятся праведному нашему прошенію, чему хотя быть не уповаю, мы тогда будемъ имѣть

(*) Господинъ Шардонъ.

пособїемъ ваше представленїе, представленїе г. *Кассена*, и представительство всея Европы. Семейство *Сирвеновъ* лишится конечно имущества своего, но сохранитъ честь, и уже не падетъ кшому поношенїе какъ токмо на главу судїи осудившаго ея: ибо не власть, но публика налагаетъ поношенїе.

Воспрепятутъ причинять безславїе цѣлому народу толь безумными обвиненїями въ чадоубїйствѣ; и мы по крайней мѣрѣ воздадимъ служенїе отечеству усѣкнувъ главу гидры бѣсносвятїя.

Имѣю честь быть съ чувствїями глубочайшаго почтенїя, и проч. . . .

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.	*Строк.*	*Напечатано.*	*Читай.*
4.	8.	изліяли; возд.	изліяли. Возд.
33.	21.	ему	сему
80.	10.	было.	бывало.

